

der Neubildung kann das Verhältniß *smertis* zu *smertimis* gegeben haben: war hier im acc. und dat. der Vokal gleich, so sollte er auch im dat. und acc. der o- St. gleich sein» ¹⁾. И ради вящей убѣдительности Бернекеръ тутъ сочиняетъ пропорцію (*smertis* : *smertimis* =) *vaikūs* : *vaikamūs* (sic! это несчастное *vaikamūs* проникло и въ Бругмановъ Grdr. II², 2, 257). Жаль только, что *smertimis* (какъ слѣдуетъ писать вмѣсто *smertimis*) не dat., но instr. pl., *vaikamūs* ²⁾ же (съ такимъ удареніемъ) вообще не существуетъ. Изъ уваженія къ автору славянскаго этимологическаго словаря я охотно обошелъ бы молчаніемъ весь этотъ lapsus, если бы другіе не ссылались на него, какъ на научное объясненіе.—Итакъ, мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ въ окончаніи dat. pl. (лит.) *-mus* рядомъ съ (пр.) *-mas* (какой гласный выпалъ между *m* и *s* въ старолат. *-ms*, не можетъ быть установлено); а съ лит. *-mus* вѣроятно тождественно праслав. **-mъ*. Я именно отношусь отрицательно къ мнѣнію Фортунатова ³⁾, что праслав. *-ъ* получается между прочимъ также изъ иде. *-os* (*-as*), ср. литературу объ этомъ у Кульбакина, Др.-чрк.-сл. языкъ I § 50. Какъ указалъ Лескинъ JF. XXI, 335 слл., не только старая теорія, по которой изъ *-os* получается *-o*, но также гипотеза Фортунатова обязательно предполагаетъ цѣлый рядъ новообразованій по аналогіи. Въ фонетическомъ же отношеніи старая теорія гораздо правдоподобнѣе новой: между тѣмъ какъ суженіе гласныхъ вообще (и специально переходъ *o* въ *u*) передъ тавтосиллабическими носовыми согласными извѣстно изъ различныхъ языковъ,

¹⁾ Тамъ же Бернекеръ приводитъ указанныя Беценбергеромъ старолит. *mitūs* «намъ» : *mūs* «насъ»; но *ū* въ этихъ (встрѣчающихся всего одинъ разъ) формахъ по всей вѣроятности простая опечатка вмѣсто *u*.

²⁾ Ср. *waykāmūs* въ катех. 1605 г., перепечатанномъ Быстронемъ, стр. 68. Отсюда же приведу тутъ, вдобавокъ къ KZ. XLIV, 50 слл., еще слѣдующія формы: d. pl. *tūliemus* 30, *tūlomus* 57, n. pl. *téway* 69, g. pl. *téwu* 68, 3 praeter. *kešés* 37, 41, 44, 3 cond. *butū* 30, 52, 54, 62, 63, 70, 78, 79, *pažintū* 30, *mustotū* 30, *pastotū* 75, *detūs* 35, 61, *melstūs* 51, *ałkaystū* 53, 61, *dūtū* 54, 61, 1 pl. cond. *butūmbime* 60, *ingitūmbime* 48, *nusidetūmbime* 54, *atmintūmbime* 57, *impuktūmbime* 76, nom. s. *rómibę* 82.

³⁾ Оспариваютъ его также Mikkola. Rocznik Slaw. I, 10 сл. и теперь также (весьма подробно и убѣдительно) Hujer, Slov. dekl. jm. 12 сл. (съ исторіей и литературой этого вопроса).

для предполагаемого Fortunатовымъ перехода *o* передъ *s* въ *u* я сейчасъ не знаю ни одной параллели. Нельзя, вѣдь, тутъ сослаться на латинск. *-us* изъ *-os*, такъ какъ это *и* представляетъ собою только одно изъ многихъ измѣненій неударяемыхъ латинскихъ гласныхъ, встрѣчаясь притомъ не только въ конечныхъ, но и въ неконечныхъ слогахъ, тогда какъ въ праславянскомъ судьба гласныхъ во всѣхъ слогахъ вообще одинакова, за исключеніемъ перехода неударяемого *-oi* въ *-ei* (о чемъ см. выше стр. 152). Далѣе Лескиномъ уже указано, что въ пользу перехода *-os* въ *-z* въ сущности можно съ полною увѣренностью привести всего одинъ случай—ном. *s.* основъ на *-o*. Но и тамъ *-z* вполне удовлетворительно объясняется какъ морфологическое новообразование. Если же Кульбакинъ 1. с. склоненъ думать, что теорія Fortunатова лучше объясняетъ *dat. pl.* на *-mъ* и 1 л. множ. ч. на *-mъ*, то съ этимъ я могъ бы согласиться лишь въ томъ случаѣ, если бы не имѣлось литовскихъ формъ *dat. pl.* на *-mus*, и если бы въ 1 л. множ. ч. рядомъ съ *-mъ* въ славянскихъ языкахъ не встрѣчалось *-mo*. Почему бы въ самомъ дѣлѣ *-mъ* имѣло больше правъ восходить къ **-mos*, нежели окончаніе *-mo*? Если Бернекеръ KZ. XXXVII, 371 отождествляетъ слав. *-mo* съ скр. *-ma*, возводя ихъ къ иде. **-mo*, то это, пожалуй, возможно, но нисколько не обязательно, такъ какъ ни въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ нѣтъ несомнѣнныхъ слѣдовъ окончанія **-mo* (скр. *-ma*, какъ извѣстно, можетъ восходить также къ иде. **-me* или **-mr*). Въ пользу своего мнѣнія Бернекеръ еще выдаетъ скр. *-ma* за «Perfectendung» и указываетъ, что въ числѣ слав. формъ съ *-mo* есть, между прочимъ, одна (!) старая основа перфекта (*věd-*). Но, какъ извѣстно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать скр. *-ma* исключительно или даже преимущественно перфекту; а считать праслав. **vě[d]mo* «знаемъ» исходнымъ пунктомъ для слав. *-mo* было бы возможно развѣ въ томъ случаѣ, если бы было извѣстно, что въ перфектѣ 1 л. множ. ч. оканчивалось на *-mo*, но нѣтъ даже рѣшительно никакого повода предполагать это. Что же до гипотезы Педерсена KZ. XXXVIII, 321 относительно слав. *-mo*, то она едва-ли нуждается въ опроверженіи ¹⁾. По моему мнѣнію *-mъ*

¹⁾ Для значенія (излагаемыхъ обыкновенно съ большимъ апломбомъ) научныхъ убѣждений Педерсена весьма характерно ихъ непостоянство: JF. V, 73 онъ

въ 1 л. множ. ч. вѣроятно восходитъ не къ **-mus* (такъ какъ въ родственнѣхъ языкахъ нѣтъ несомнѣнныхъ слѣдовъ такого окончанія: латинск. *-mus* скорѣе восходитъ къ **-mos*), но къ **-mon* ¹⁾; какъ рядомъ съ *-mes* имѣлось *-mos*, такъ и рядомъ съ *-men* (извѣстнѣмъ изъ греч. языка) могло существовать *-mon*, которое могло получиться также путемъ смѣшенія окончаній *-mos* и *-men*. Возводя же въ dat. pl. *-mъ* ²⁾ къ *-mos* ради сближенія его съ пр. *-mas* и (относительно вокализма) скр. *-bhyas*, старолатинск. *-bos* и старокельт. *-bo*, мы ничего не выигрываемъ, пока не доказано, что и въ лит. *-mus* можетъ и не восходить къ иде. *u*. Осталось бы *отъ*, которое отождествляется съ скр. *atas* «отсюда». Но въ виду прскл. *от-* (при *отъ-*) и скр. *ati* (ср. скр. *alireka-s* съ однозначашимъ прскл. *отълькъ*) позволительно думать, что подъ влияніемъ предлоговъ на *-dъ* (со старымъ *-ъ*) старое **otъ* (при *ot-*) было точно такъ же замѣнено новообразованіемъ *otъ* (откуда, наприм., р. *ото-*), какъ и *объ-* (при *ob-*) было замѣнено черезъ *obъ-* (откуда, наприм., р. *обо-*) ³⁾, и какъ вѣроятно и предлоги на *-zъ* имѣютъ не старое *-ъ*,

находить, что Гиртъ «überzeugend nachgewiesen hat», что судьба слав. *o* въ конечныхъ слогахъ зависитъ отъ ударенія; а KZ. XXXVIII, 321 онъ увѣренъ, что Бернекеръ «definitiv zum sieg verholfen» (hat) теоріи Фортунатова. Другіе примѣры мною указаны выше на стр. 75 и 124.

¹⁾ Къ этому же заключенію приходитъ и Hujer Slov. dekl. jm. 16; ср. тамъ же обь окончаніи *-mo*, которое, по мнѣнію Гуера, скорѣе изъ иде. *-mo*.

²⁾ Гуеръ I. с. 17 сл. возводитъ *-mъ* къ иде. **-mot*, но такого окончанія нигдѣ не встрѣчаемъ, между тѣмъ какъ *-mus* имѣется въ литовскомъ языкѣ.

³⁾ Если Фортунатовъ (Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 2, 9 слл.) указывать, что, судя по прскл. памятникамъ, *отъ* древнѣе формы *объ*, то это не противорѣчитъ моему взгляду, такъ какъ нѣтъ надобности думать, что обобщеніе *-ъ* произошло одновременно во всѣхъ предлогахъ. Ваіаніе предлоговъ съ *-dъ* на **-om(ъ)* сказывается также въ возникновеніи *od* въ части славянскихъ языковъ. Ср. теперь обь *otъ* также Hujer Slov. dekl. jm. 18 слл. (съ литературой вопроса), который также отрицаетъ связь *otъ* съ скр. *atas* и считаетъ его *-ъ* возникшимъ подъ влияніемъ другихъ предлоговъ на *-ъ*. Не согласенъ я съ нимъ однако въ томъ, что онъ предполагаетъ для отдаленной эпохи славянскихъ и балтійскихъ языковъ только форму безъ гласнаго за *-t*. Относительно лит. *ata-* онъ полагаетъ, «že tu jde o vsunutí hlásky *a* mezi *t* a *d* (nebo *t*)», и относительно лат. *ata-*, — что «snadno tu lze vidět působení rhythmů». Но въ своихъ Лат. предл. I, 53 (которыми Гуеръ пользовался) я указалъ, что *ata-* въ нарѣчій *atastu* встрѣчается также въ разговорномъ языкѣ. И для того, чтобы можно было считать

такъ что въ концѣ концовъ въ славянскихъ предлогахъ было обобщено -ъ. Я прихожу, значить, къ заключенію, что теоріей Фортунатова данныя языка не объясняются лучше, чѣмъ старой теоріей Лескина, и поэтому предпочитаю послѣднюю, такъ какъ она не предполагаетъ никакого проблематическаго звуковаго процесса. Если Hirt JF. II, 344 возражаетъ, что при -ъ изъ -on ожидалось бы -ъ изъ -en, то это возраженіе имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣлись славянскія формы на -e (чисто фонетическое) изъ -en. Но слова типа *pol'e* могутъ имѣть -e (послѣ смягченнаго согласнаго) изъ -o, полученнаго изъ словъ типа *dělo* съ -o (вмѣсто фонетическаго -ъ) изъ формъ типа *slovo* и *to*. Что изъ -en не получалось -ъ, этого мы, значить, вовсе не знаемъ; асс. s. (црксл.) *konъ*, можетъ быть, и получился изъ **koŋen* (есть однако и другія объясненія для этой формы).—Что же до гипотезы самого Гирта l. c. II, 345, по которой въ конечныхъ слогахъ ударяемое *o* сохраняется, неударяемое же *o* переходитъ въ *ъ*, то уже Ягичъ указалъ AfslPh. XV, 428 сл., что ей противорѣчатъ сербскія формы вос. s. *ženo*, *rŭko* и др. (что -o тутъ восходитъ къ старому -a, это, вопреки Бернекеру KZ. XXXVII, 371, лишено въ данномъ вопросѣ всякаго значенія, такъ какъ *a* и *o* вполне совпали въ славянскомъ).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ падежамъ, въ образованіи которыхъ славянскіе языки расходятся съ балтійскими. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ это различіе, вѣроятно, возникло только послѣ распада предпологаемаго славяно-балтійскаго единства. Сюда, вѣроятно, относится дат. падежъ ед. числа. Балтійскіе языки еще представ-

ata- въ народныхъ пѣсняхъ вызваннымъ (вмѣсто *at-*) требованіями размѣра, слѣдовало бы привести примѣры вставныхъ гласныхъ внутри слова вообще и въ концѣ глагольныхъ префиксовъ *ai-*, *ap-*, *iz-*, *uz-* въ особенности. Пока такихъ примѣровъ нѣтъ, остается только считать второе *a* въ латышскомъ (и по аналогичной причинѣ и въ литовскомъ) *ata-* этимологическимъ, что подтверждается и литовской формой *atuo-*, понятной только при наличности стараго *ata-*, ср. мои Лат. предл. I, 208.—И если Гюеръ l. c. 19, разсуждая о первоначальномъ значеніи этого префикса, говоритъ, что лит. *atnėšti* и сл. *otnesti* «*neznamená pŭv. anī adferre anī auferre, nŭbrŭ je perfektivem k ferre*», то онъ упускаетъ изъ виду, что первоначально всѣ глагольные префиксы имѣли то или другое *мѣстное* значеніе.—Неточно, наконецъ, его сообщеніе l. c. 21, будто бы я Лат. предл. I, 56 сл. высказался противъ родства слав.-балт. **at-* съ скр. *āti* и др.

ляютъ рефлексъ стараго иде. окончанія -ō(i). Къ -ōi вѣроятно восходитъ пр. -ai въ *wirdai* «слову», а къ -ō (ср. Trautmann Altpr. Spr. § 117) -u въ *stesmu* «тому», *malnīku* «ребенку» и (съ тѣмъ же -u, возникшимъ фонетически изъ -ō только послѣ губныхъ и задненебныхъ) *sīru* «сердцу» и *pīru* «прихожанамъ»; съ этимъ -u при -ai ср. наприм. гр. (лесб.) αἴτω при атт. αἴτῳ и др. Ту же двойственность мы находимъ и на литовской почвѣ. Къ -ōi вѣроятно восходитъ обычное -ui, причемъ переходной ступенью было *-uoj. Видеманъ KZ. XXXII, 119 находитъ еще эту переходную ступень въ приведенныхъ Беценбергеромъ (Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 65 и 128) старолитовскихъ формахъ *berneliūi*, *Demetriūi*, *giwa-tūyem* (*dieuui*), (*tynkliui*) *jnestamūiem*, *pirmamūiem*, *vszmauschtamūiem* и др. Въ существительныхъ (какъ въ *berneliūi*) это -ūi (при обычномъ уже въ старолитовскихъ текстахъ -ui) вѣроятно опечатка вмѣсто -ui¹⁾; а въ окончаніи (опредѣленныхъ прилагательныхъ) -amūiem вѣроятно дѣйствительно сохранилось *uo* изъ *ō*, такъ какъ тутъ—въ концѣ слога—*uo* собственно и должно было сохраняться. Въ положеніи же передъ тавтосиллабическимъ -i *uo* правильно сократилось въ *u* (ср. *-ui изъ *-uōn въ gen. pl.), а не «infolge der gestossenen betonung», какъ страннымъ образомъ полагаетъ Wiedemann KZ. XXXII, 119, забывая при этомъ гр. -ō̃ (принято доказывать циркумфлексированную долготу лит. -ui также ссылкой на лит. *paskui* «потомъ, послѣ»; но формы *pāskun* и *paskutinis* предполагаютъ основу *pasku-*, такъ что естественнѣе считать *paskui* за loc. s. изъ **paskūjē*). Въ части говоровъ -ui далѣе сокращено въ -u²⁾, ср. Trautmann Apr. Spr. 217. Въ жемайтскихъ же говорахъ мы находимъ рефлексъ варианта -ō: -oi въ сѣверозападныхъ говорахъ (гдѣ изъ *uo* получилось *oi*) и -ū въ юговосточныхъ говорахъ, имѣющихъ ū изъ *uo* (совершенно непонятно, почему Траутманъ l. c. возводитъ это -ū къ -ui). Затруднительно объясне-

¹⁾ Ср. Leskien AfsI Ph. III, 501.

²⁾ Это -u возникло, можетъ быть, первоначально въ сложныхъ прилагательныхъ передъ -jami (**geramui-jami* > **gerāmu-jami*), ср. формы женск. рода *balajai* у Куршата Gramm. § 952 или *mā'ajai* Лхр. 335, 34 и др. и ВВ. XXVII, 313.

ніе приведенныхъ Явнисомъ (Понев. гов. II, 6 сл.) формъ dat. s. вродѣ *vŭrai*¹⁾ (въ Добейской волости) и *vŭre* (съ *-e* изъ *-ai*) «му-жу» (въ Вобольникскомъ говорѣ); думать тутъ о переносѣ оконча-нія (*-ai*) основъ на *-ā* или о вариантѣ *-oi*, сокращенномъ изъ *-ōi* (ср. гр. баот. *-oi* при атт. *-oŭ*) не очень заманчиво, но ничего дру-гого я не могу придумать.—Въ праславянскомъ изъ иде. *-ōi*, по моему мнѣнію, могло получиться только *-oi* > *-ě*²⁾, совпадавшее какъ съ окончаніемъ нѣкоторыхъ другихъ падежей основъ на *-o*, такъ и съ окончаніемъ (*-oi* > *-ě* изъ иде. *-āi*) dat. s. основъ на *-ā*. Совпаденіе dat. s. съ loc. s. вѣроятно не стѣсняло, такъ какъ отъ другихъ основъ сохранились однѣ и тѣ же формы для этихъ обо-ихъ падежей; но совпаденіе dat. s. основъ на *-o* съ dat. s. основъ на *-ā* было неудобно, не давая возможности различать, наприм., «рабу» отъ «рабѣ», или «доброму» отъ «доброй» (совпаденіе же этихъ же основъ въ loc. s. было менѣе неудобно, такъ какъ loc. s. названій живыхъ существъ употреблялся рѣже, по крайней мѣрѣ, не въ зависимости отъ предлоговъ; кромѣ того, можно думать о различіи въ удареніи въ loc. s. этихъ основъ). Ясно для меня так-же и то, что праслав. *-u* въ dat. s. основъ на *-o* перенято изъ парадигмы основъ на *-u*, причеиъ ходъ развитія я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ, близко сходясь съ Лескиномъ (Die Declination im Slavisch-litauischen 58) и отчасти съ Богородицкимъ (Очерки по языковѣдѣнію³ 406 сл.), ср. также Vondrák, Vergl. slav. Gr. II, 4. Въ литовскомъ языкѣ (ср. Kurschat Gramm. § 517 и Leskien Bild. d. Nom. 318), должно быть, имѣлись основы на *-jo* рядомъ съ однозначашими основами на *-ju*, слѣдствіемъ чего было смѣшеніе этихъ основъ, сказывающееся, наприм., въ томъ, что основы на *-jo* отчасти принимаютъ падежныя окончанія основъ на *-(j)u* (чаще всего въ voc. s., а иногда и въ gen. s.). Позволитель-но, значитъ, предполагать такое смѣшеніе тѣхъ же основъ также въ праславянскомъ, и окончаніе *-(ju)* voc. s. основъ на *-jo* под-

¹⁾ К. К. Буга мнѣ пишетъ, что онъ такой формы не слыхалъ, такъ что не исключена возможность, что сообщеніе Явниса основано на какомъ-то недоразу-мѣніи.

²⁾ Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 131.

тверждаетъ это предположеніе. Еще сильнѣе должно было стать это смѣшеніе послѣ совпаденія основъ на *-o* и на *-u* въ пом. и асс. с. Если Вондракъ и Богородицкій правильно предполагаютъ, что уже въ праславянскомъ окончаніемъ dat. s. основъ на *-u* было *-u* (рядомъ съ древнимъ *-ovi*), то слѣдовало бы думать, что основами на *-jo* было перенято окончаніе *-ju* у основъ на *-ju* не только въ звательномъ, но и въ дат. падежѣ ед. числа, и что затѣмъ подъ вліяніемъ основъ на *-jo* также основы на *-o* (во избѣжаніе совпаденія съ основами на *-ā*) стали оканчиваться въ дат. падежѣ ед. ч. на *-u*. Серьезныхъ препятствій для такого предположенія я не вижу. Въ древне-церковнославянскихъ парадигмахъ основъ на *-u* обыкновенно даются только формы dat. s. на *-ovi*; но, какъ указываетъ Вондракъ I. с., въ нашихъ памятникахъ црксл. языка dat. s. основъ на *-u* оканчивается гораздо чаще на *-u*, чѣмъ на *-ovi*, и также въ старочешскомъ встрѣчаются формы dat. s. вродѣ *domu*. Эти формы dat. s. на *-u* (отъ основъ на *-u*) могутъ представлять собою старый loc. s. тѣхъ же основъ, получившій также значеніе дат. падежа подъ вліяніемъ основъ на *-i*, имѣвшихъ въ dat. и loc. s. одно и то же окончаніе. А если бы, наприм., **vŕlki* было древнѣе, чѣмъ, наприм., **syni* (dat. s.), то пришлось бы полагать, что основы на *-o* (черезъ посредство основъ на *-jo*, чередовавшихся съ основами на *-ju*) переняли у основъ на *-u* окончаніе *-u* сначала въ loc. s. (какъ основы на *-jo*, можетъ быть, еще раньше въ voc. s.), такъ что было время, когда (да отчасти и теперь еще, ср. Vondrák I. с. II, 13) основы на *-o* въ loc. s. оканчивались и на *(-oi>)* -ѣ и на *(ou>)* -и¹⁾. Благодаря этому чередованію въ loc. s., также въ dat. s. основъ на *-o* рядомъ съ древнимъ *(-oi>)* -ѣ могло возникнуть *(-ou>)* -и. И изъ именной флексіи это окончаніе могло перейти и въ мѣстоименную флексію, такъ что, наприм., рядомъ съ dat. s. (**tomoj>*) **tomě* возникло (**tomou>*) **tomu*. А такъ какъ послѣдняя форма была свойственна исключительно дат. падежу (при loc. s. **tomě*), то въ именныхъ (а потомъ и въ мѣстоименныхъ) основахъ на *-o* старое *(-oi>)* -ѣ въ

¹⁾ Нѣтъ, значитъ, надобности предполагать (ср. Hajer, Slov. dekl. jm. 131 слл.) для основъ на *-o* loc. s. на *-ou*.

dat. s. было совершенно вытѣснено окончаніемъ (-оу >) -и во избѣжаніе неудобнаго совпаденія въ dat. s. основъ на -о и на -а. Предоставляю теперь читателю выборъ между изложеннымъ мною морфологическимъ объясненіемъ окончанія -и и предложеннымъ нѣкоторыми языковѣдами фонетическимъ объясненіемъ его изъ -ōj.

Славянскимъ новообразованіемъ вѣроятно слѣдуетъ считать также окончаніе -у въ i. pl. основъ на -о. Отвергая—кажется, съ полнымъ правомъ ¹⁾—всѣ предложенныя другими объясненія этого окончанія, Бругманъ JF. XXII, 336 слл. (съ указаніемъ литературы) и Grdr. II², 2, 268 сл. полагаетъ, что это -у первоначально было свойственно основамъ на -и, сопоставляя это -у съ ав. -uš, -uš и возводя эти окончанія къ иде. -ūs. Соглашаясь съ этой гипотезой Бругмана, можно было бы выводить изъ тѣхъ же иде. i. pl. на -ūs латышскія нарѣчія вродѣ *pārmaiņus* «попеременно» LP. VII, 1, 16 (ср. Лат. предл. I, 166), *nuopakal'us* «сзади» LP. I, 48 и VI, 456 (ср. Лат. предл. I, 137), *izklaidus* «порознь» LP. VI, 10 (ср. Лат. предл. I, 102), *apikal'us* «назадъ» BB. XVII, 284 (ср. Лат. предл. I, 59), *garšl'aukus* «врастяжку» LP. III, 23, *blakus* (при *blakām*) «возлѣ», *sāņus* «насторонь» и др., и это тѣмъ болѣе, что въ латышскомъ языкѣ весьма многія нарѣчія представляютъ собою формы i. pl. ²⁾, ср. статью Мюленбаха въ Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 233 слл. Но для того, чтобы можно было принять это толкованіе Бругмана, необходимо провѣрить доказательную силу ав. формъ на -uš, -uš. Бругманъ приводитъ, по словарю Бартоломэ, всего шесть или семь такихъ формъ. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ вовсе не имѣютъ значенія творит. падежа. Въ оборотѣ *daēna... pārnāyūš čīdām* («наказаніе») *dwārāsaiti* («предписываетъ») V. 3, 42 форма *pārnāyūš* по мнѣнію Бартоломэ i. pl., но въ значеніи dat. pl. По моему, однако, это скорѣе асс. pl. masc. g.; тутъ можно думать о такой же конструк-

¹⁾ Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 161 слл.

²⁾ Таковы, между прочимъ, нарѣчія вродѣ *krievīskis* «по-русски», *latvīskis* «по-латышски» и др., показывающія, что Вондракъ, Vergl. slav. Gr. II, 353, вѣроятно ошибается, предполагая, что (праслав.) нарѣчія на -ьску не представляютъ собою i. pl.

ции съ двумя винит. падежами (изъ которыхъ одинъ, по опредѣленію Рейхельта Awest. Elementarb. 228, «bildet mit dem Verbum einen Tätigkeitsbegriff»), какую находимъ въ приведенныхъ Рейхельтомъ I. с. оборотахъ *yō narēm vīxṛūməntəm xʷarēm ġainti* V. 4, 30 «wer einem eine blutige Wunde schlägt»; *āat̥ tā hazō nivarəzayən daēva* Yt. 19, 80 «und die D. taten ihnen Gewalt an» и др. Значеніе винит. падежа (по мнѣнію самого Бартоломэ) имѣють формы на -uš въ параллельныхъ оборотахъ *kaṭ taṭ dāma... hazanrağa anrō.maiṇyuš* (scil. *dāma*) *paiti.ğasaiti* V. 13, 1, и: *kaṭ taṭ dāma... hazanrağa spəntō.maiṇyuš* (scil. *dāma*) *paiti.ğasaiti* V. 13, 5, и въ оборотѣ: *kahe vača vanāi... kana zaya hukəratānhō mana dāma anrō.maiṇyuš* V. 19, 8. Съ формою (masc. g.) на -uš при *dāma* ср. съ одной стороны оборотъ *vīspanamčā spəntahe maiṇyuš dāmanam ašaonam ašaoninamčā* Y. 1, 16, а съ другой стороны приведенные Рейхельтомъ I. с. 293 обороты, гдѣ существительныя среднего рода имѣють при себѣ опредѣленіе (прилагательное) въ мужескомъ родѣ. Въ V. 13 есть и другія нарушенія синтаксиса, а въ оборотѣ изъ V. 19, 8 также *hukəratānhō* ошибочно. Остается только 4 примѣра съ значеніемъ i. pl.: *vī daēvāiš ayāiš avanhūš* ¹⁾ *anarətāiš... sarəm mruyē* Y. 12, 4; *vī (sarəm mruyē) daēvāiš... vī yātuš vī yātumatbīš* Y. 12, 4; *ratufriš pituš* ²⁾ *xʷastāiš* N. 57; *ratufriš... vīzušča xʷastāiš[ča]* N. 57. На основаніи этихъ 4 примѣровъ можно было бы съ нѣкоторою увѣренностью приписывать иде. праязыку i. pl. (отъ основъ на -u) на -ūs лишь въ томъ случаѣ, если бы въ тексты Авесты съ теченіемъ времени (когда уже плохо владѣли вымершимъ языкомъ) не вкралось столько ошибокъ: какъ вообще нѣтъ ни одного падежа, который бы иногда ошибочно не замѣнялся другимъ падежомъ, такъ и въ сочетаніи *srīrāiš nāman* Y. 15, 1 мы находимъ форму асс. pl. въ значеніи i. pl. Кромѣ того слѣдуетъ еще имѣть въ виду и то, что формы на -āiš, въ сосѣдствѣ которыхъ встрѣчаются вышеприведенные i. pl. на -uš, весьма часто встрѣчаются также въ значеніи асс. (и ном.) pl. (ср. J. Schmidt,

¹⁾ Такъ у Гельднера; Бартоломэ же даетъ *avanhīš*, и въ рукописяхъ также *avanhuš*, *avanhūiš*.

²⁾ Такъ у Бартоломэ вмѣсто *patuš* рукописей.

Neutra 262 сл.), чѣмъ, пожалуй, могло быть вызвано употребленіе формъ (асс. pl.) на *-uš*¹⁾ въ значеніи i. pl. И если бы дѣйствительно когда-либо имѣлись i. pl. на *-ūs* (отъ основъ на *-u*), то ожидалось бы также i. pl. на *-īs* (отъ основъ на *-i*); ав. же формы *ašaonīš* и *nātmnīš* произведены отъ основъ на *-n* и употребляются въ значеніи nom., асс. pl. ntr. g. Этими замѣчаніями, которыми весь вопросъ, разумѣется, далеко не исчерпывается, я тутъ долженъ ограничиться, такъ какъ сейчасъ не пишу монографіи о языкѣ Авесты, но рассматриваю вопросъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ. Достаточно ясно однако, на мой взглядъ, что указанная Бругманомъ *ex oriente lux* не освѣщаетъ даннаго вопроса, но скорѣе вводитъ въ заблужденіе. Латышскія же нарѣчія на *-us* могутъ считаться новообразованиями, ср. Zubatý JF. III, 136 и Мюленбахъ, Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 264 сл.—Остается, кажется, объяснять слав. i. pl. на *-y* (какъ говоритъ Брюкнеръ KZ. XLIII, 301) «mit einfachen Hausmitteln». Несомнѣннымъ я считаю то, что это окончаніе — славянское новообразование, обусловленное совпаденіемъ *-oi* > *-ě* (=лит. *-aĩs* и ар. *-āĩš*, въ основахъ на *-o*): *-ei* > *-i* (въ основахъ на *-i*) съ окончаніемъ нѣкоторыхъ другихъ падежей. Но откуда именно взялось это *-y*, сказать не легко. Рѣшаюсь тутъ высказать слѣдующую догадку, самъ отлично сознавая всю проблематичность ея. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно послѣ глаголовъ типа «считать, дѣлать, называть» (ср. Vondrák, Vergl. slav. Gr. II, 309, 311, 312, 346, 347, 349, 353 сл.), когда-то въ праславянскомъ винит. и творит. падежи вѣроятно употреблялись промискуе. Съ теченіемъ времени, когда въ извѣстныхъ оборотахъ творит. падежъ сталъ преобладать надъ винительнымъ, дольше могли держаться винительный пад. множ. ч. отъ основъ на *-o* во избѣжаніе болѣе чѣмъ двусмысленной формы i. pl. на *(-oi)* > *-ě*. Могло, значитъ, наступить время, когда рядомъ, наприм., съ **dobrami* все еще употреблялся старый вин. падежъ **dobry*; но если отъ всѣхъ прочихъ основъ въ извѣстныхъ случаяхъ употреблялся исключи-

¹⁾ Bartholomae самъ, кромѣ того, принимаетъ это *-uš* за *-viš*, Zum altiran. Wörterb. 135; въ Grdr. же Бругмана, II², 2, 269¹, онъ уже склоненъ возводить это *-uš* къ **-ūs*, что не менѣе проблематично.

тельно или преимущественно i. pl., тогда какъ отъ основъ на -o въ такихъ случаяхъ еще являлся асс. pl., то формы (асс. pl.) на -y отъ основъ на -o въ этихъ случаяхъ съ теченіемъ времени могли получить значеніе творит. падежа ¹⁾. А слѣдствіемъ этого могло затѣмъ быть употребленіе этихъ формъ на -y также въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ искони могъ примѣняться только творит. падежъ, и перенесеніе этого окончанія изъ парадигмы основъ на -o муж. рода въ парадигму основъ на -jo (гдѣ изъ -ju получилось -ji) и основъ на -o средн. рода и др.

Что касается литовскихъ формъ voc. s. родѣ *dievè*, то нѣтъ надобности (изъ-за ихъ окончательнаго ударенія) возводить ихъ -è непременнѣ къ -e': какъ показываютъ формы множ. ч. (и скр. *dēvd-s*), *dievè* можетъ представлять собою старое охутонон, а подѣ влияніемъ формъ типа *dievè* могли затѣмъ возникнуть формы voc. s. родѣ *ronè*; ср. также Bezzenberger BB. XXI, 294².

Старое различіе между славянскими и балтійскими языками скорѣе имѣется въ i. и loc. s.

Въ творит. пад. ед. ч. лит. и лат. -и < -uo (=скр. вед. -ā, ав. -a и др.) расходится съ праслав. -омь. Вондракъ (Vergl. slav. Gr. II, 6), правда, Ляпуновъ (Формы склоненія I, 13 сл.; ср. Jagić AfslPh. XXVIII, 120) и Hujer Slov. dekl. jm. 150 сл. считаютъ это -омь славянскимъ новообразованіемъ; и это вполне возможно ²⁾. Но въ такомъ случаѣ, кажется, ожидались бы также формы i. pl. на -omi взамѣнъ неудобнаго (-oi >) -ě; и славянскому -омь соответствуетъ (за исключеніемъ различія въ согласномъ) гр. -οφι, арм. -ov. Не исключена поэтому возможность, что балтійское и славянское окончанія одинаково древни. При этомъ слѣдуетъ еще считаться съ возможностью, что въ «славяно-балтійскую эпоху» во всѣхъ славяно-балтійскихъ говорахъ употреблялось -ō рядомъ съ -omi, съ различіемъ, можетъ быть, въ значеніи.

¹⁾ Аналогичное явленіе мы находимъ въ латышскихъ говорахъ, гдѣ извѣстныя формы gen. s. женскаго рода приобрѣли значеніе вин. и твор. падежей, ср. Mühlénbach JF. XIII, 244 сл. и мон. Лат. предл. II, 12.

²⁾ Окончаніе -a (=лит. -u) совпадало бы съ окончаніемъ другихъ падежей. Ср. также лит. новообразованія родѣ діал. *vilkūmi*.

Между тѣмъ какъ славянскіе языки сохранили старую форму мѣстн. пад. ед. ч. на -ѣ изъ иде. -oi, въ литовскомъ языкѣ старое окончаніе почти вытѣснено новымъ, возникшимъ подъ вліяніемъ формъ loc. s. мѣстоименной флексіи и основъ на -ā, ср. объ этомъ, наприм., Leskien, Declination 47, Brückner AfslPh. III, 277, Gai-galat, Mitteil. d. lit. liter. Ges. V, 128, Zubatý JF. VI, 284 слл. (съ указаніями литературы), Поржезинскій Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 484, Būga, Kalbos dalykai 27, Явнисъ, Россіенск. у. 36 сл. и Поневѣжск. гов. II, 9 сл. (Явнисъ, однако, неправильно объясняетъ происхожденіе формъ вродѣ *vūre*). Старыя формы на -iē сохранились въ старолитовскихъ текстахъ, особенно передъ -p(i), ср. Bezzenberger, Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 133 и 251 ¹⁾. Но это лит. -iē, согласно моеѣ теоріи о возникновеніи лит.-лат. *ie*, скорѣе восходитъ къ иде. -ei, нежели къ -oi ²⁾. Видеманъ, Handb. 63 (и также Явнисъ I. с.), возводитъ къ -ie также -i въ старолитовскихъ формахъ loc. s. (въ которыхъ однако это -i правильнѣе объясняется изъ -e) и, принимая ихъ за формы loc. s., въ современныхъ нарѣчіяхъ вродѣ *tolī* «далеко», *artī* «вблизи», *ankstī* ³⁾ «рано». Я считалъ сначала *tolī*, *artī* и *ankstī* за nom. s. fem. gen. (ср. Kuschat, Gr. § 1340), но К. К. Буга мнѣ пишетъ, что въ восточно-литовскомъ вмѣсто *tiži eiti*, *jaũ šviesi* и др. говорятъ только: *tiži eiti*, *jaũ šviesi* и др., между тѣмъ какъ *tolī*, *artī* и др. и тамъ извѣстны, и указываетъ на формы вродѣ *iki gālī* у Даукши Post. 236, 25, *ik' meti* 272, 20 и др., съ общелит. -i, вѣроятно изъ -ie. *mēti* вмѣсто **meti* можетъ объясняться вліяніемъ **mētie*. Что же до **metie* (откуда **meti*), то оно могло (при **mētie*) получить акутъ подъ вліяніемъ формъ, сложенныхъ съ -pi (ср. *namie: namiepi*; эту

¹⁾ Ср. также *prieg krikstie* въ катехизисѣ 1605 г., вновь изданномъ Быстрономъ, стр. 31; ср. тамъ же *prieg stulpy* 85, гдѣ -y изъ -e.

²⁾ Но какъ въ греческомъ мы находимъ -oi при -ei, такъ вѣроятно когда-то и въ балтійскихъ языкахъ имѣлся loc. s. на -ai: такія формы loc. s. я усматриваю въ нарѣчіяхъ вродѣ пр. *labbai* «wohl», лит. *labai* «очень», лат. *labi* «хорошо», ср. прксл. *dobry*, скр. *kšiprē* «быстро» и др. и лит. нарѣчія на -iē (изъ иде. -ei) вродѣ *tolīē* «далеко» въ Дусятахъ (ср. у Куршата *iš tólo* «издали») = *tolij* у Довконта (Geitler, Beitr. z. lit. Dialekt. 19).

³⁾ Иначе объясняются *artī* и *ankstī* Беценбергеромъ ВВ. XXVII, 157 сл.

форму находимъ, наприм., Лхр. 391, 36) и подъ вліяніемъ loc. s. на *-ie отъ основъ на -i.

Что же до асс. pl. основъ на -o (и также основъ на -ā), то праслав. -y (при -e отъ основъ на -iō, -iā) сходится по крайней мѣрѣ съ прусскими формами на -ans вродѣ *gallans* (отъ *galla-*¹⁾ «смерть») и *rānkans* (отъ *rankā-* «рука»). И нѣкоторые языковѣды выводятъ также лит. -ūos > -ūs (отъ основъ на -o) изъ иде. -ons, такъ, наприм., Leskien, ср. JF. III, 150 и JFA. XIII, 84, Mahlow, Die langen Vocale AEO. 123, Wiedemann, KZ. XXXII, 120 и Handb. 64, Streitberg JF. III, 150 слл., Mikkola, Rocznik Sl. I, 8 сл., и пови-димому также Фортунатовъ KZ. XXXVI, 30² и Поржезинскій, Сбор-никъ статей, посвящ. ак. Ф. Θ. Фортунатову, 643, и Къ исторіи формъ спряж. 9. Изъ нихъ однако только Штрейтбергъ пытается показать, какимъ путемъ въ литовскомъ изъ иде. -ons получилось -ūos > -ūs вмѣсто ожидаемаго -as; да и его попытка, по моему мнѣнію, совершенно неудачна. Штрейтбергъ именно полагаетъ, что въ прабалтійскомъ изъ иде. -ons (путемъ удлиненія гласнаго пе-редъ ns) получилось -ōns, къ которому восходятъ, съ одной сторо-ны, лит. -ūos, а съ другой стороны, пр. -ans и лит. діал. -uns. А еще до возникновенія -ōns изъ -ons, но все же въ прабалтійскую эпоху, по мнѣнію Штрейтберга, иде. -āns измѣнилось въ -ās, при-чемъ прусскія формы вродѣ *genmans*²⁾ имъ принимаются за ново-образования. Возводитъ же лит. и лат. -as къ иде. -ās, сохранивше-муся также въ арійскомъ, Штрейтбергу мѣшали гот. -ōs и метри-ческое растяженіе ведійскаго -ās, указывающія будто на иде. -ās. По моему, однако, при установленіи качества праиндоевропейскихъ долготъ слѣдуетъ скорѣе руководствоваться показаніями тѣхъ язы-

¹⁾ Переводъ нѣмецкаго «von den todtē» посредствомъ пр. *assa gallans* я объясняю себѣ недоразумѣніемъ прусскихъ толмачей, производившихъ н. *todten* отъ *tod* «смерть»; ср. правильный переводъ (*esse gallan*) этого же оборота 31, 16, 31; 79, 2 (по изданію Траутмана).

²⁾ Бругманъ Grdr. II², 2, 226 (ср. также van Wijk JF. XXII, 258) стран-нымъ образомъ находитъ «ein jüngerer» *-āns für *-ans не только въ формахъ вродѣ *pirmā(n)s-es*, но также, наприм., въ лит. *rankās* и *rankos-na* и въ лат. *rudkas*! Последнія формы, конечно, могутъ восходить только къ прабалтійскимъ формамъ на -ās, ср. Zubatý AfslPh. XV, 500¹ и Hujer Slov. dekl. jm. 99.

ковъ (славяно-балтійскихъ и греческаго), которые дѣйствительно въ историческое время знаютъ различіе въ интонаціяхъ, нежели «законами», придуманными нѣкоторыми языковѣдами. Что до метрическаго растяженія въ аріійскихъ языкахъ, то ср. Zubatý LF. XXIII, 196 сл. и сказанное мною AfslPh. XXXII, 291; гот. же *-ōs* не можетъ служить достаточной причиной выводить лит. и лат. *-as* не изъ иде. *-ās*, но изъ *-āns*, такъ какъ достовѣрно не знаемъ, къ чему восходитъ это гот. *-ōs*. Гипотеза же о происхожденіи лит. *-uos* черезъ прабалт. *-ōns* изъ иде. *-ons* невѣроятна вслѣдствіе связанной съ нею необходимости цѣлаго ряда рискованныхъ предположеній: 1) приходится предполагать, что въ прабалтійскомъ сохранилось еще иде. *o*, ср. однако выше стр. 107); 2) приходится предполагать нѣсколько эпохъ исчезновенія *n* передъ *s* (сначала въ окончаніяхъ *-āns*, *-ēns*, затѣмъ въ *-ōns*, и, наконецъ, передъ неконечнымъ *s*); 3) приходится считать лит. причастія на *-ās* (=лат. *-us*) и *-ēs* (=лат. *-is*) литовско-латышскими новообразованіями, что далеко не такъ естественно, какъ это кажется Штрейтбергу (языкъ, сохраняющій пом. *s*. вродѣ *akmiō*, *mėniu*, *sesiō*, *šiō* рядомъ съ прочими падежами, произведенныхъ отъ основъ *akmen-*, *mėnes-*, *s eser-*, *šin-*, и имѣющій и теперь еще наприм. *sūkės* при формахъ отъ основы *sukus-*, могъ бы сохранить также наприм. **sūkės* и **sukuōs*); 4) приходится полагать, что лит. ген. *s*. вродѣ *manė's* (=лат. *manis*) моложе окончанія **-ōns*; 5) приходится въ виду лит. формъ вродѣ *spa'stas* (=лат. *spuosts*) «ловушка» допустить, что удлиненіе гласнаго имѣло мѣсто только передъ конечнымъ *ns*, для чего не вижу достаточнаго резона. Еще менѣе удачно, пожалуй, толкованіе Бругмана Grdr. II², 2, 224 сл. (съ указаніемъ литературы), по которому послѣ совпаденія окончаній *-ons* (въ основахъ на *-o*) и *-ans* (въ основахъ на *-ā*) возникли еще въ прабалтійскомъ новообразованія **-ōns*, **-āns*, **-ēns* и т. д. подъ вліяніемъ отношенія въ лос. рл. *-uos-* (въ основахъ на *-o*) къ *-ās-* (въ основахъ на *-ā*), причѣмъ это случилось, когда болѣе не дѣйствовалъ законъ о сокращеніи долготы передъ тавтосиллабическими носовыми и плавными (Grdr. I² § 933, 1)! Что же до лит.-лат. *-uos-* въ лос. рл., то Бругманъ I. с. II², 2, 252 выводитъ его изъ прабалт. *-ōs-*, возникшаго подѣ

вліяніємъ -ās- въ основахъ на -ā. Но такъ какъ ō является долгою, соотвѣтствующею краткому о, но не а, то это объясненіе было бы мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если бы во время возникновенія -ōs- (въ loc. pl. основъ на -o) въ балтійскихъ языкахъ еще существовало о (совпавшее, по мнѣнію Бругмана, съ а еще въ славяно-балтійскую эпоху). Поэтому гораздо естественнѣе считать, что -uos- въ loc. pl. возникло подъ вліяніемъ асс. pl на -uos, ср. Leskien, Declination 106, Mahlow, Die langen Vocale 124, J. Schmidt KZ. XXVII, 307, Bezzenberger BB. XV, 295 и XXI, 295, Zubatý AfslPh. XV, 509 и JF. VI, 282 сл., Streitberg JF. III, 151 сл. и Wiedemann Handb. 64. Законъ же, указанный Бругманомъ Grdr. I² § 933, 1, и до сихъ поръ не пересталъ дѣйствовать: ср. лит. *aš-tuōntas* изъ **aštuōntas* (*uo* же возникло не раньше литовско-латышской эпохи) и указанные мною KZ. XLIII, 2¹ примѣры. Фонетическія затрудненія не устраняются также предположеніемъ Hanssen'a KZ. XXVII, 615¹ и Гирта JF. XVII, 57 сл.¹), что лит. -*uos* восходитъ къ иде. -*ōns* (причемъ Гиртъ это -*ōns* выводитъ изъ -*omns*!), такъ какъ изъ иде. -*ōns* получилось бы лит. -*as* или (если бы законъ о сокращеніи долготъ началъ дѣйствовать послѣ перехода ō въ *uo*) -*u(n)s*. Общебалтійскіе случаи утраты *n* между долгимъ гласнымъ и *s* намъ неизвѣстны. Остается на мой взглядъ только возможность возводить лит. -*uos* къ иде. -*ōs*, ср. Zubatý AfslPh. XV, 508 сл. и JF. VI, 273¹ (Зубатый однако считаетъ также возможнымъ выводить -*uos* изъ иде. -*ōns*), Mikkola BB. XXII, 249 (который однако считаетъ это -*ōs* за окончаніе п., а. pl. ntr. g. основъ на -*s*, не выясняя возможности такого дикаго смѣшенія окончаній) и Погодинъ, Варш. Унив. Изв. за 1903 г., IV, 4, 15 (который однако возводитъ къ этому же -*ōs* также слав. -*y*). Окончаніе -*ōs*, собственное первоначально имен. падежу, могло быть перенесено въ винит. падежъ благодаря тому, что основы на -ā имѣли -ās (вѣроятно съ различіемъ въ интонаціи) не только въ имен., но и въ винит. падежѣ²). Путемъ смѣшенія -*ons* и -*ōs* затѣмъ въ части говоровъ иде. пра-

¹) Ср. также JF. X, 67¹. гдѣ Meillet выводитъ лит. -*uos* изъ -*uqs*.

²) Ср. съ этимъ ав. асс. pl. на -ā, -ānho, -e, -a отъ основъ на -o.—Подобно теперь объясняетъ лит. -*uos* также Hujer Slov. dekl. jm. 107 сл.

языка возникло *-ōns*, откуда арийское *-āns* (также **-ons* прочих иде. языковъ, можетъ быть, восходить къ тому же *-ōns*). Что же до лит. діал. *-uns*, то Зубатый ЯФ. VI, 273¹ полагаетъ, что оно возникло путемъ смѣшенія окончаній **-ans* (=пр. *-ans*) и *-ūs* > *-us* или же восходить черезъ *-uons* къ иде. *-ōns*, между тѣмъ какъ прежде (AfslPh. XV, 508 сл.) онъ допускалъ возможность, что *-uns* представляетъ собою восточно-литовское измѣненіе болѣе древняго *-ans*. А между тѣмъ формы съ *-uns-*¹⁾ мнѣ сейчасъ извѣстны только изъ жемайтскихъ говоровъ: напр. I. pl. *darbunse* у Шлейхера Gr. 176; *tunse vargunse*, *Prūsinsi* у Куршата § 534; а. pl. *baltūnsius* (sic!) § 953 (при *žodius* въ томъ же говорѣ § 532); *atskaitūtunsius... pīningus* у Гейтлера Lit. Stud. 21; *nešamunšjus daktus* Лхр. 319, 40. Въ жемайтскихъ же говорахъ, ср. *Būga*, *Kalbos dalykai* 52, иногда между долгимъ гласнымъ и *s* (и также послѣ конечной долготы) развивается нефонетическое *n*; къ примѣрамъ, приведеннымъ I. с., авторъ въ присланномъ мнѣ экземплярѣ прибавилъ еще *glūnsnis* (= *glūosnis*), *būnži* (= *būožė*), *šūnī* (= *šuō*), dat. s. *žmūōgun* (въ Ворняхъ). А если это такъ, то формы съ *-uns-* вѣроятно тоже имѣютъ такое нефонетическое *n*, возникновенію котораго могли содѣйствовать формы женск. рода на *-ans*, приведенныя Беценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 155, ср. также Bechtel Lit. u. Lett. Dr. III, стр. XLIV, и жем. *raybanes* Schleicher, Lit. Leseb. 25²⁾.

¹⁾ Формы же вроде *vilkuns* (у Бругмана, Grdr. II², 2, 221 и др.) я въ печатныхъ источникахъ лит. языка нигдѣ не встрѣчалъ, и К. К. Буга подтверждаетъ мнѣ, что такія формы не существуютъ. Приводятся же онѣ вѣроятно по I. Шмидту KSB. IV, 268, который тамъ упоминаетъ «жем. *vilkuns*» (должно-быть, на основаніи какого-то недоразумѣнія).

²⁾ Mikkola ВВ. XXII 250 выводитъ непосредственно изъ **tāns* также діал. *tāis* (Лит. народн. пѣсни, изд. Фортунатовымъ и Миллеромъ, 135), полагая, что *i* тамъ получилось фонетически изъ *n*. И также Беценбергеръ ВВ. XII, 75 сл., приводя діалектическія формы вроде *aižuols* «дубъ» или *kāisti* «кусать», приходитъ къ заключенію, что въ части говоровъ акутованное *á* фонетически измѣняется въ *ai*. По моему это *ai* смѣнило правильное *á* благодаря колебанію между *ai* (изъ прабалт. акутованнаго *ai*) и *á* (изъ *ai*), подобно тому какъ діалектически старое *ā žuolas* «дубъ» (ср. Bezenberger KZ. XLII, 263) было замѣнено черезъ *aižuolas* благодаря колебанію между *ai* и *á*. Ср. съ этимъ Būga Aist. Stud. I, 99*).

б) Изъ склоненія основъ на -ā. Эти основы вѣроятно когда-то склонялись совершенно одинаково въ тѣхъ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало теперешніе славянскіе и балтійскіе языки. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ славянскіе языки теперь расходятся съ балтійскими, это различіе вѣроятно вызвано сравнительно поздними новообразованиями. Такъ, въ асс. pl. праслав. -y расходится, какъ выше указано, съ лит. и лат. -as, но совершенно сходится съ пр. -ans и лит. -ans-, причемъ слѣдуетъ считаться съ возможностью, что когда-то не только въ прусскомъ (ср. *per-pettas*), но и въ славянскомъ (ср. Zubatý AfslPh. XV, 500) существовалъ рефлексъ праязычнаго -ās.—Въ пом. pl. слав. -y очевидно окончаніе асс. pl. ¹⁾, проникшее въ пом. pl. взамѣнъ двусмысленнаго -a (изъ -ās) ²⁾; этотъ переносъ окончанія могъ особенно легко произойти, если дѣйствительно когда-то и въ праславянскомъ асс. pl. оканчивался еще и на -ā(s).—Также въ gen. s. праслав. -y, каково бы ни было его происхожденіе (ср. Finck, Ueb. d. verh. d. balt.-slav. nominalass. zum urindogerm., 33 слл., Ляпуновъ, Формы склоненія I, 36, Богородицкій, Очерки по языковѣдѣнію³ 398 сл.), по всей вѣроятности замѣнило собой болѣе древнее -ā(s), которое по отпадении -s было неудобно, совпадая съ окончаніями другихъ падежей. Въ мѣстн. п. ед. ч. лит. -oję (=лат. -a, діал. -aī) теперь расходится съ праслав. -ě, но лит. -oję разлагается на -oj- (=праслав. -ě) и постпозицію -ę(ср. Zubatý JF. VI, 284 слл.), такъ что литовско-латышская форма ³⁾ можетъ считаться новообразованиемъ.—Окончаніе *-ām въ i. s. намъ достовѣрно извѣстно только изъ славянскихъ ⁴⁾ и балтійскихъ языковъ. И также въ i. pl. эти языки вѣроятно отличались особымъ окончаніемъ *-mīs ⁵⁾, къ которому могутъ восходить праслав. -mī, лит. -mīs (ср. различіе въ удареніи между dat. pl., наприм., *naktims* изъ *naktimus*, и i. pl. *naktimīs*, которое вѣроятно обусловлено тѣмъ, что -mīs сокращено изъ аку-

¹⁾ Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 74 слл. и 99 слл.

²⁾ Старья формы, можетъ-быть, сохранились въ чешскихъ *luka*, *muka* и др.

³⁾ Прусской формы мѣстн. падежа мы не знаемъ.

⁴⁾ Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 157 слл.

⁵⁾ Также въ парадигмѣ основъ на -i и -u.

тованнаго *-mīs) и лат. діал. -mīs (ср. Мюленбахъ, Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 233 сл.).

с) Изъ склоненія основъ на -i и -u. Также эти основы когда-то вѣроятно склонялись въ разсматриваемыхъ мною группахъ языковъ почти одинаково. Старое различіе, кажется, имѣлось только въ ген. pl. Тогда какъ литовскія формы вродѣ *nakšīū* (=лат. *nakšu*) указываютъ на окончаніе -iōm, славянскія формы вродѣ црксл. *ношѣи* предполагають окончаніе -iōm. Еще больше различіе между лит. *sūnū* изъ *sūnōm и црксл. *сыновъ*; но окончаніе, соотвѣтствовавшее славянскому -ovъ, когда-то, можетъ-быть, имѣлось также въ балтійскихъ языкахъ, ср. ВВ. XXV, 276.—Основы на -u расходятся теперь также въ пом. pl. (лит. -ūs, лат. -us; црксл. -ове) и dat. s. (лит. -ui; црксл. -ови); но тутъ балтійскія окончанія (по крайней мѣрѣ, окончаніе dat. s.) могутъ быть сравнительно поздними новообразованиями¹⁾. Основы же на -i въ образованіи пом. pl. вѣроятно совершенно сходятся: лит. -ys, лат. -is, пр. -is (съ неизвѣстнымъ количествомъ гласнаго) могутъ быть тождественны съ црксл. -ыѣ, восходя одинаково къ *-iēs, ср. гр. діал. *ῥφιεε*. Теперь, правда, господствуетъ мнѣніе, что праслав. -yj- получилось фонетически не только изъ иде. -iĭ-, но также (такъ въ пом. и ген. pl. основъ на -i) изъ -ei-; и по мнѣнію Ляпунова (Формы склоненія I, 42) это даже доказано Фортунатовымъ въ его Лекціяхъ, на которыя Ляпуновъ I. с. и ссылается. Эти лекціи однако въ продажѣ не имѣются, и поэтому не могу не сожалѣть, что проф. Ляпуновъ не выписалъ даннаго Фортунатовымъ «доказательства», такъ какъ теперь всѣ неимѣющіе Лекцій Ф. Θ. Фортунатова (въ томъ числѣ и авторъ этихъ строкъ) вынуждены или на вѣру принять это его объясненіе, или же, слѣдуя старому девизу «amicus Plato, magis amica veritas», на основаніи данныхъ языка сами пересмотрѣть весь этотъ вопросъ. Дерзаю предпочесть послѣднее.

¹⁾ Соотвѣтствующее црксл. -ове окончаніе пом. pl., кажется, сохранилось въ лит. говорѣ Барановскаго, ср. *lietous* «regengüsse» у Osthoff'a Morphol. Unters. II, 140 сл. (и лат. *lietavas* «anhaltendes Regenwetter», предполагающее, кажется, прабалт. *leitaves) и *stuñbous* и *grōžous* у Буги, Kalbos dalykai 16.

Гипотеза о славянскомъ переходѣ *-ej-* въ *-ij-* основывается, насколько я вижу, не на изолированныхъ образованіяхъ, но на флексійныхъ формахъ, да и то всего на двухъ категоріяхъ формъ: на глагольныхъ основахъ типа црксл. *выѣхъ* и на ном. и gen. pl. основъ на *-i*. Возникла же она влѣдствіе привычки сопоставлять славянскія формы прежде всего не съ формами близко родственныхъ балтійскихъ языковъ, но съ формами болѣе отдаленныхъ арійскихъ и классическихъ языковъ Эллады и Рима: съ одной стороны, эти языки, благодаря своимъ древнимъ памятникамъ, сохранили сравнительно больше чертъ старины, а, съ другой стороны, греческій и латинскій языки намъ извѣстны еще изъ школьныхъ годовъ. А если ужъ приходилось обращаться къ балтійскимъ языкамъ, то считались обыкновенно только съ формами литовскаго языка (каковы онѣ въ трудахъ Куршата и Шлейхера). Поэтому-то отождествляютъ црксл. *трыѣ* не съ лит. *tryīs* и лат. *tris*, но съ скр. *tráyas*, гр. *τρεῖς* и латинск. *tres*, и црксл. *выѣхъ* не съ лат. *viji* и лит. діал. **vijū* (откуда 3 л. *vija* Лхр. 400, 25), но съ лит. *veji*. Приведенныя мною балтійскія формы ясно показываютъ, что нѣтъ рѣшительно никакой надобности предполагать для славянскихъ формъ вродѣ црксл. *трыѣ* и *выѣхъ* специальный звуковой «законъ», такъ какъ *-ij-* тутъ можетъ восходить также къ *-ij-*. А что до родит. пад. *трыи*, то возводя его *-ij-* къ *-ej-*, можно сопоставлять эту форму развѣ съ ав. *θrayam* (которое считается арійскимъ новообразованіемъ), между тѣмъ какъ съ моей точки зрѣнія *трыи* тождественно не только съ лит. *trijū* и лат. *triju*, но также съ ав. *θryam*, гр. *τριῶν* и латинск. *trium*. Въ пользу перехода *-ej-* въ *-ij-* скорѣе всего можно привести то обстоятельство, что въ славянскихъ языкахъ нѣтъ, кажется, несомнѣнныхъ примѣровъ, въ которыхъ *-ej-* восходило бы непосредственно къ иде. *-ei-* (въ формахъ вродѣ црксл. dat. s. *ѣи*, *сеи* и др. сочетаніе *-ej-* легко объясняется; труднѣе однако было бы справиться съ частицею црксл. *еи* «*vaí*»). Но это обстоятельство имѣло бы серьезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было возводить *-ij-* къ *-ej-* въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, а не только въ двухъ категоріяхъ флексійныхъ формъ. Если же рядомъ съ окончаніями (основъ на *-i*) *-ыѣ* и *-ыи* мы на-

ходимъ окончанія (основъ на *-и*) *-ове* и *-овъ*, то этимъ еще не доказывается, что *ѣ* въ окончаніяхъ основъ на *-і* получилось непосредственно изъ *е*. Для иде. праязыка, правда, можно предполагать параллельныя окончанія въ парадигмахъ основъ на *-і* и на *-и* (наприм., *-eĭes*:*-eĭes* для ном. pl., и *-(i)ĭōt*:*-(u)ĭōt* для gen. pl.); но послѣ распадація общаго праязыка (или даже еще въ эпоху совмѣстной жизни?) эта параллельность отчасти нарушается (ср. dat. s. црксл. *кости*:*сынови* и ниже разсматриваемыя окончанія loc. s. *-eĭ*:*-ōĭ*): въ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало славянскіе языки, въ парадигмѣ основъ на *-и* старое *-иĭōt* въ gen. pl. (подъ вліяніемъ *-eĭes* въ ном. pl.) измѣняется въ *-eĭōt*, а въ парадигмѣ основъ на *-і* старое *-eĭes* въ ном. pl. (подъ вліяніемъ *-iĭōt* въ gen. pl. и другихъ окончаній съ *i*) измѣнилось въ *-iĭes* ¹⁾. Но, можетъ быть, меня спросятъ, почему въ основахъ на *-і* взялъ верхъ gen. pl., въ основахъ же на *-и*—ном. pl. Это разногласіе было бы странно лишь въ томъ случаѣ, если бы указанные новообразования были произведены одновременно въ парадигмахъ основъ на *-і* и на *-и*. Но считать ихъ непремѣнно одновременными нѣтъ надобности: разница между *-eĭ* и *-iĭ* меньше, чѣмъ между *-eĭ* и *-иĭ*. Лескинъ, наконецъ (Gramm. d. altbulg. Spr. 44) приводитъ въ пользу перехода *-ej-* въ *-vj-* переходъ *-ev-* въ *-ov-*. Но, во-первыхъ, переходу *-ej-* въ *-vj-* соотвѣтствовалъ бы не переходъ *-ev-* въ *-ov-*, но переходъ *-ov-* въ *-zv-* (котораго однако не встрѣчаемъ), и, кромѣ того, этотъ же переходъ *-ev-* въ *-ov-*, ср. выше стр. 84 сл., имѣлъ мѣсто только передъ гласными задняго ряда, такъ что нѣтъ ничего общаго между *-ov-* изъ *-ev-* и предполагаемымъ переходомъ *-ej-* въ *-vj-*. Если, значитъ, возможно возводить всякое праслав. *-vj-* къ иде. *-iĭ-*, то я считаю неправильнымъ предполагать для двухъ категорій флексійныхъ формъ особый звуковой законъ только для того, чтобы можно было отождествлять эти формы не съ формами близко родственныхъ балтійскихъ языковъ, но съ арійскими и греческими формами.

¹⁾ Это было тѣмъ легче, что основы на *-ī* искони оканчивались въ ном. pl. на *-iĭes* и въ gen. pl. на *-iĭōt*.

Для большей полноты своей аргументаціи я тутъ еще долженъ коснуться образованія пом. пл. основъ на *-i* и на *-u* въ балтійскихъ языкахъ. По мнѣнію Видемана, Handb. 31 сл., 58 и 61, литовскія окончанія *-ys* и *-ūs* фонетически получились изъ *-ejes* и *-ejes*; но ср. Leskien Bild. d. Nom. 242 сл. и упомянутыя мною на стран. 93 сл. латышскія формы на *-eve*. Мнѣнію же Гирта, PBrV. XVIII, 525 и JF. I, 7, по которому лит. *-ys* (какъ и праслав. *-i*, гот. *-eis*, латинск. *-īs* и вед. *-īś*) восходитъ къ иде. *īs*, и мнѣнію Бругмана Grdr. II², 2, 216, по которому рядомъ съ асс. пл. на *-īs*, *-ūs* возникъ пом. пл. на *-ys*, *-ūs* подъ вліяніемъ отношенія пом. пл. на *-os*, *-ēs* къ асс. пл. на *-ās*, *-ēs*, одинаково противорѣчитъ латышское *tris* (=лит. *trīs*) «три», прерывистая интонація котораго понятна лишь въ томъ случаѣ, если эта форма получила изъ **triēs*¹⁾. Остается, значить, только возводить лит. *-ys* (лат. *-is* и пр. *-is*) и *-ūs* (лат. *-us*) къ прабалт. *-iēs* и *-uēs*, возникшимъ изъ иде. *-ejes* и *-ejes* подъ вліяніемъ надежныхъ формъ съ *i*, *u* въ концѣ основы и основъ на *-ī* и *-ū*, ср. Leskien, Deklination 78 и 80 и Bild. d. Nom. 242 сл. Возразять, можетъ быть, что этому толкованію противорѣчатъ (прусскія и) литовскія формы (gen. s. и пом. пл. основъ на согласные) на *-es*. Бругманъ Grdr. II², 2, 158¹, правда, сомнѣвается въ сохраненіи иде. *-es* на литовской почвѣ, но въ данномъ случаѣ такой скептицизмъ неумѣстенъ, особенно послѣ образцовой статьи de Saussure'a JF. IV, 456 слл. Къ формамъ, которыя de Saussure привелъ I. с. изъ Ширвида и Даукши, я тутъ изъ постиллы Даукши прибавлю еще слѣдующія: gen. s. *piemenės* «пастуха» 231, 33, *piemenės* 273, 16; 328, 17, 25, 27; *akmenės* «камня» 246, 31; *akmenės* 351, 33; *vaŋdenės* «воды» 259, 28, *vandenės* 335, 2; nom. pl. *piemenės* 53, 32; 69, 22; *akmenės* 59, 29; *móterės* «жены» 368, 26; *dūkterės* «дочери» 229, 12; *szirdės*²⁾

¹⁾ По мнѣнію Микколы (Betonung und Quantität in den westslav. Sprachen I, 37) также праслав. **trije*, судя по врх.-луж. *třo* и нижнелуж. *tšo*, имѣло удареніе на конечномъ слогѣ.

²⁾ Основу *šird-* встрѣчаемъ довольно часто также въ gen. pl. (наприм. 45, 36. съ окончательнымъ удареніемъ) и gen. s. (наприм. *szirdės* 213, 14). Съ этимъ gen. s. *širdės* тождественно лат. *sirds* (съ прерывистой интонаціею), тогда какъ литовскому окончанію (основъ на *-i*) *-iēs* соответствуетъ лат. *-is*, сохранившееся

«сердца» 240, 23; *dantes* «зубы» 90, 23; *priežastes* «причины» 204, 2; *szūneš* «собаки» 156, 16; 250, 15; *szūnes* 209, 15; *sēmenes* «семена» 123, 16. Ср. также формы на *-es* изъ постиллы 1573 г., приведенныя Гайгалатомъ Mitt. d. lit. liter. Ges. V, 128. Сохранились, наконецъ, формы на *-es* также въ нѣкоторыхъ современныхъ литовскихъ говорахъ: ном. pl. *dūres* «двери» Лхр. 385, 30, 41 (при асс. pl. *duris* 386, 45), *dañtes*, *žūves* «рыбы», *žases* «гуси», *šūnes*, *piemenes*, *dūkteres* Būga, Kalbos dalykai 20, Aist. Stud. I, 72; gen. s. *šunės* Būga, Aist. Stud. I, 140. Итакъ, могутъ ли, на примѣръ, *ākys*¹⁾ и *sūnūs* (рядомъ, на прим., съ *piemenes*!) восходить къ прабалт. **akijes*, **sūnuces*? Никто намъ не мѣшаетъ думать, что *e* въ окончаніи *-es* стало «подвижнымъ» послѣ *ī*, *ū* раньше, чѣмъ послѣ прочихъ согласныхъ. Въ пользу такого вліянія *ī*, *ū* на послѣдующій краткій гласный говорятъ данныя латышскаго языка, гдѣ послѣ *ī*, *ū* выпадаютъ краткіе гласные даже въ такихъ формахъ, въ

какъ въ старолатышскихъ текстахъ, на прим. *naktis* «ночи» Undeutsche Psalmen 37, *pilis* «замка», *guovis* «коровы» (рядомъ съ *nakts*) Evangelia und Episteln 1587 г., *sirdis* Psalmen und geistliche Lieder 1615 г., 68a, 69a, 70a, 77a (при *sirds* 72b, 92b), *pilis* 79b, Manzel, Postille I, 154 (при *pils* II, 78), такъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ: *guovis* въ Кабилленѣ, *sirdis* въ Нидденѣ, *zivis* «рыбы» LP. VI, 881. А въ подавляющемъ большинствѣ латышскихъ говоровъ старое окончаніе (основъ на *-i*) *-is* вслѣдствіе смѣшенія основъ на *-i* и на согласные совершенно вытѣснено окончаніемъ (основъ на согласные) *-s*. Окончательному вытѣсненію окончанія *-is*, разумѣется, предшествовало колебаніе (замѣтное еще въ текстахъ 16 и 17 столѣтій) между *-is* и *-s*. А вслѣдствіе этого колебанія въ gen. s. и подъ вліяніемъ основъ на *-u*, оканчивающихся въ ном. и gen. s. одинаково на *-us* (въ gen. s. изъ *-aus*), также въ ном. s. основъ на *-i* рядомъ съ правильнымъ *-s* (изъ иде. *-is*) стало употребляться *-is*: *durvis* «дверь» Evangelia und Episteln 1587 г., *pilis* Psalmen und geistl. Lieder 1615 г., 83b (рядомъ съ *pils* 73b), *sirdis* 85a, *avis* «овца» Manzel, Postille I, 438 (рядомъ съ *pils* 301), *ausis* «ухо», *avis* Magazin der lett.-liter. Ges. XX, 2, 44, *zivis* LP. VI, 881, *guovis*, *avis*, *ausis*, *acis* «глазъ», *zuvis* «рыба», *siērdis* «сердце», *piertis* «баня» въ Кабилленѣ, *zuvis*, *guovis* въ Замитенѣ.

¹⁾ Что же до приведенныхъ Бугою, Kalbos dalykai 21, ном. pl. *nākcies*, *aīšies*, *ākies*, *pācies*, *ānies* (изъ Тверческаго говора), то я ихъ возникновеніе представляю себѣ слѣдующимъ образомъ. Подъ вліяніемъ *pātys* «іpsi» возникло (рядомъ съ *aniē* «illi») *ānys* (на прим., Лхр. 387, 38), и затѣмъ путемъ смѣшенія формъ *aniē* и *ānys*—*ānies*. Благодаря колебанію между *ānys* и *ānies*, рядомъ съ *pātys* возникло **pāties* > *pācies* и далѣе (въ именной флексіи) *ākies*, *nākcies* и др.

которыхъ эти гласные въ положеніи послѣ прочихъ звуковъ правильно сохраняются: *paùsaris* «весна» изъ *pavasaris*; *paùkars* «подвечерье» изъ *pavakars* BB. XVII, 276; *dinaidā* «въ полдень» BW. 425, 2 (стр. 829) = *dièn(a)vidā*, ср. также 30399, 2; *šùkor* «сегодня вечеромъ» BW. 16092 и 31759, 2 изъ *šùvokor* < *šuvokar*; *aùns* «баранъ» изъ *avins* BW. 11587; dat. s. *mundraim* «бодрому» (въ Каллетенѣ) изъ *mundrajam* или *mundrājam*; *vaiga* «нужно» изъ *vajaga*; *kreims* «сливки» изъ *krējums*; *sālims* «разсолъ» изъ *sālijums* (какъ лит. *sólymas*, у Буги Aist. Stud. I, 131, изъ **sólyjimas*); nom. pl. part. praet. act. masc. gen. вродѣ *skrēši*, *gāši*, *staigāši* ¹⁾ и др. (въ Вольмарѣ и другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи; nom. s. *skrēš*, *gāš*, *staigāš*), или *skrējši*, *gaiši*, *staigājši* (въ Нидеръ-Бартау и другихъ мѣстностяхъ западной Курляндіи; nom. s.: *skrējis*, *gājis*, *staigājis*) изъ *skrējuši*, *gājuši*, *staigājuši* (тогда какъ въ тѣхъ же говорахъ *u* не послѣ *j* правильно сохраняется въ тѣхъ же причастіяхъ, ср. наприм. *dzimuši*, *dzinuši*, *likuši*, *zaguši* ²⁾ и др.).

Когда-то славянскіе и балтійскіе языки вѣроятно сходились также въ образованіи loc. s. Славянское *-i* въ парадигмѣ основъ на *-i* вѣроятно восходитъ къ иде. *-ēj*, рядомъ съ которымъ имѣлось *-ē*. И это *-ē(j)* очевидно перешло и въ балтійскіе языки. Если Бругманъ Grdr. II², 2, 176 говоритъ, что въ литовскомъ языкѣ нѣтъ несомнѣнныхъ примѣровъ окончанія **-ē(j)*, то въ этомъ сказывается только его недостаточное знакомство съ балтійскими языками. И въ нихъ имѣется рефлексъ этого окончанія. Изъ *-ēj* ³⁾ получилось *-ie*, а это *-ie* было измѣнено въ *-ieje* подъ вліяніемъ окончанія *-āje* (изъ *-āj-e*) въ парадигмѣ основъ на *-ā*. Къ этому **-ieje* восходитъ окончаніе *-ie* loc. s. основъ на *-i* и тѣхъ основъ на *-jo*, которыя въ пом. s. оканчиваются на *-is* изъ *-īs* ⁴⁾, единственно употребительное почти во

¹⁾ Отъ *skriēt* «бѣжать», *iēt* «ити», *staigāt* «ходить».

²⁾ Отъ *dzimt* «родиться», *dzīt* «гнать», *likt* «класть», *zagt* «красть».

³⁾ Отношеніе праслав. loc. s. **rěči* къ dat. s. **rěči* съ удареніемъ на первомъ слогѣ (ср. Vondrák, Vergl. sl. Gr. II, 45 сл.) показываетъ, что окончаніе *-ēj* произносилось съ акутомъ.

⁴⁾ Эти основы въ литовско-латышскомъ въ loc. s. принимаютъ окончаніе основъ на *-i*.

всѣхъ извѣстныхъ мнѣ восточно-латышскихъ говорахъ, причемъ въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ всякое *ie* измѣняется въ *ī*, такъ же это окончаніе измѣнилось въ *ī*. Въмѣсто того, чтобы привести цѣлый рядъ говоровъ, я здѣсь ограничусь указаніемъ на формы вродѣ *sirdie*, *ūdenie* ВВ. XII, 228, *akmenie* ВВ. XVI, 336, *jiud'īnī* Zbiór wiadomości XVI, 109. Въ литовскомъ же изъ акутованнаго *-ie* должно было получиться *-i* (ср. жем. *šali-p* «рядомъ», возникшее взамѣнъ **šalie-p* подъ вліяніемъ **šali*), которое подъ вліяніемъ окончанія *-oje* (въ парадигмѣ основъ на *-ā*) было расширено въ *-īje* (ср. *širdijē* у Куршата, Gramm. § 657) и (съ удлиненіемъ *ī*) далѣе въ *-yje*, съ которымъ тождественно лат. *-ī*. Рядомъ съ этимъ **-ieje* въ литовско-латышскомъ праязыкѣ имѣлось **-eje* въ тѣхъ же основахъ, причемъ трудно рѣшить, разлагается ли это **-eje* на *-ē + je* (съ *-je* подъ вліяніемъ лос. s. основъ на *-ā* и на *-īē*), какъ полагають І. Шмидтъ KZ. XXVII, 288 и Поржезинскій, Сборникъ статей, посвящ. ак. Ф. Θ. Фортунатову, 631 и Возвратн. форма глаголовъ 7, или же (какъ думаетъ Маловъ Die langen Vocale АЕО. 125) на *-ēj + e*, ср. **-āje* изъ *-āj + e*. Изъ литовскаго языка сюда относятся старолитовскія формы на *-eie*, указанныя Беценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 133 сл., жемайтскія формы на *-ie* и сѣвернолитовскія формы на *-ē*, *-ej*, приведенныя Куршатомъ Gramm. §§ 528 и 663, Барановскимъ, Замѣтки о лит. яз. и слов. 59, Явнисомъ, Россіенск. у. 38, Веберомъ AfslPh. IV, 593 и Беценбергеромъ ГЕРАΣ 185². Изъ латышскихъ формъ лос. s. къ **-eje* восходятъ формы вродѣ *acej* (отъ *acs* «глазъ») и *skapej* (отъ *skapis* «шкафъ»), извѣстныя мнѣ изъ Гавезена, Лигуттена, Дубеналькена, Виргиналена, Цирау, Паддерна, Кацдангена, Рудбарена и др. въ западной Курляндіи и изъ Ленневардена въ южной Лифляндіи, и формы вродѣ *acē* и *skapē*, приведенныя Mag. d. lett.-liter. Ges. XIII, 2, 38 и Беценбергеромъ Sprach. d. preuss. Letten 63 и 122 и извѣстныя мнѣ изъ Амботена, Батена, Дурена, Ранкена, Вибингена, Ниграндена, Шрундена и др. въ западной Курляндіи, изъ Балдона, Линдена, Миссофа, Олая ¹⁾, Вальгофа

¹⁾ Въ Олайскомъ говорѣ рядомъ съ лос. s. вродѣ *pirtē*, *sirdē* пом. s. еще сохраняютъ старую форму *pirts* («баня»), *sirds* («сердце»), между тѣмъ какъ во многихъ говорахъ западной Курляндіи, благодаря совпаденію лос. s. на *-ē* отъ

и Нейгута въ средней Курляндіи, изъ Сундельна, Кайпена, Кирхгольма, Линденберга, Рингмундсгофа, Ново-и Старо-Пебальга, Дрос-тенгофа, Зербигала и др. въ Лифляндіи.—Что же до loc. s. основъ на *-и*, то Бругманъ, страннымъ образомъ, еще Grdr. II², 2, 176 сл. предполагаетъ для иде. праязыка только окончаніе *-ē*, утверждая, что «weder für *-ōi* noch für *-ō* gibt es zuverlässige Belege»! Но если Бругману почему-то угодно было игнорировать давно уже указанныя балтійскія формы на *-ио*, то изъ-за этого сами эти формы не перестали существовать. На литовскія формы loc. s. съ окончаніемъ, восходящимъ къ пралитовскому **-ио(је)*, указали Беценбергеръ GGN. 1885 г., стр. 160 слл. и ВВ. X, 312², Гейтлеръ, Beitr. z. lit. Dialektologie 28, Барановскій, Замѣтки 58, и Явнисъ, Россіенск. у. 38. Это же окончаніе *-ио* въ loc. s. основъ на *-и* имѣютъ всѣ тѣ восточнолатышскіе говоры, въ которыхъ основы на *-и* не вытѣснены основами на *-о*¹⁾, ср. ВВ. XII, 227 и XVI, 336 и Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 185. Восходитъ ли *-ио* въ литовско-латышскомъ **-ио-је* къ иде. *ō* или къ *ō̃*, не можетъ быть установлено, такъ какъ фонетически и то, и другое возможно. Праславянское *-и* можетъ восходить къ иде. *-ō*, тогда какъ црксл. дома «*domi*» вѣроятно представляетъ собою иде. loc. s. **domō*. Ср. Bezzenberger ВВ. XXI, 302 слл., Meringer ВВ. XVI, 227, Wiedemann KZ. XXXII, 150, Lit. Präter 35 и Handb. 60 сл. (съ литературой), Zubatý AfslPh. XIV, 150 слл. и JF. VI, 292, Погодинъ РФВ. XXXV, 138 и Hujer Slov. dekl. jm. 141.

Окончаніе, свойственное исключительно славянскимъ и балтійскимъ языкамъ, мы находимъ въ instr. s.: лит. *-mī* (*-i* тутъ, впрочемъ, можетъ восходить также къ акутованному *-ī*, ср. различіе въ удареніи между i. s. *naktimī* и dat. pl. *naktim(u)s*) и праслав. *-mь*.

д) Изъ склоненія основъ на согласные. Бругманъ Grdr. I², 21 отмѣчаетъ, какъ общую особенность славянскихъ и балтійскихъ

основъ на *-i* съ loc. s. на *-ē* отъ основъ на *-iē* (и совпаденію въ dat. и асс. s. и gen. pl.), всѣ основы на *-i* замѣнены основами на *-iē*, такъ что тамъ, напр., вмѣсто *pirts* и *sirds* говорятъ: *pirte* и *sirde*.

¹⁾ Рядомъ съ *-ио* въ парадигмѣ основъ на *-и* обыкновенно имѣется *-іе* въ loc. s. основъ на *-i* и *-io* (съ пош. s. на *-is*); только въ Зербигалѣ я слышалъ, наприм., *viduo* «въ серединѣ» рядомъ съ *skapē* (отъ *skapis*).

языковъ, склоненіе причастій на *-nt* (и *-us*) въ большинствѣ падежей по образцу основъ на *-iō*, а другихъ основъ на согласные въ части падежей по образцу основъ на *-i*. Но, какъ указалъ Meillet, Les dialectes 44, нѣчто тому подобное мы находимъ также въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, и само это явленіе вообще столь естественно, что нѣтъ, можетъ быть, даже никакой исторической связи, наприм. между лит. *vėžančio* и црксл. *везжита* и, наприм., между лит. *akmenims* и црксл. *каменьмъ*.

Изъ мѣстоименной флексіи. а) *Личныя мѣстоименія.* Въ склоненіи мѣстоименій славянскіе языки теперь значительно расходятся съ балтійскими языками. Но этому не будемъ придавать большого значенія въ данномъ вопросѣ, если припомнимъ, насколько въ этомъ отношеніи расходится даже прусскій языкъ съ литовско-латышскимъ. Какъ показали Zubatý LF. XIII, 369 слл. и Meillet Recherches 83 слл., когда-то личныя мѣстоименія склонялись славянами вѣроятно почти такъ же, какъ и балтійскими племенами. Старое различіе мы находимъ скорѣе всего между праслав. **(j)agz* и лит. *ąš* (старолит. также *ėš*), лат. *es* и пр. *as*; навѣрно, впрочемъ, не знаемъ, какова была первоначальная форма этого слова. Для gen. s. обѣ группы языковъ когда-то вѣроятно имѣли общую иде. форму **mene*, **tece*, **sece*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 415 сл. Въ dat. s. пр. *tebbeī*, *sebbei* расходится съ црксл. *тебѣ*, *себѣ* только въ окончаніи; если пр. *-ei* тутъ древнѣе (ср. оск. *sifei*), и если црксл. *-ѣ* тутъ изъ *-oi*, то это *-oi* могло возникнуть замѣнѣ *-ei* подъ вліяніемъ энклитикъ **toi*, **soi* или, ср. Roczn. Slaw. II, 228¹, формъ мѣстнаго падежа, если тѣ въ то время оканчивались на *-oi*. Что же до dat. s. личнаго мѣстоименія 1 лица, то лит. *mán*, лат. *tan* и пр. *tennei* могутъ относительно корневого вокализма считаться новообразованіями, ср. Brugmann, Grdr. II², 2, 418. Первоначально славянскіе и балтійскіе языки, можетъ быть, имѣли для этого падежа форму **tineī*, на которую еще указываютъ црксл. *мѣнѣ* (ср. Meillet, Recherches 93), жем. *mün*¹⁾ или **mūnie* (ср.

¹⁾ Это *mün* вѣроятно восходитъ къ **muni* (ср. Фортунатовъ, Сборн. отд. р. яз. и слов. II. А. Н. LXIV, 11, 16²) съ такимъ же *-i*, какъ и въ формахъ dat. s. именныхъ основъ на согласные, ср. de Saussure JF. IV, 460 сл. и Zubatý LF. XXIII, 446 и XXIX, 222.

Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 186 и Bezzenberger GGA. 1885 г. 927) и восточнолат. *mun*, ср. Gauthiot MSL. XIII, 194. Относительно происхождения этого *mun*- (новообразования, свойственного исключительно славянским и балтийским языкам) я, вслѣдъ за Meillet, Recherches 94, полагаю, что и въ *mun*- возникло подъ вліяніемъ формъ 2 лица, начинавшихся съ **tuǵ-*; такъ какъ въ дат. падежѣ имѣлась форма **tebhej*, то слѣдуетъ думать, что новообразование *mun*- возникло первоначально въ какомъ-нибудь другомъ падежѣ (Meillet l. с. указываетъ на вед. loc. s. *tvē*, при которомъ могло быть и иде. **tuǵoj*), къ чему препятствій не вижу, такъ какъ *mun*- мы находимъ не въ одномъ дат. падежѣ. Для асс. s. въ праславянскомъ (ср. црксл. *мѣ*, *тѣ*, *сѣ*) имѣлись формы, повидимому, сходныя съ формами арійскихъ языковъ (ср., наприм., скр. *mā'm*, *tvā'm*). И вслѣдъ за Лескиномъ (Declination 143 и Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss. XXXVI 95) я склоненъ считать тождественными съ црксл. *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* пр. формы *mien*, *tien* или *tin*, *sien* или *sin*, читая ихъ: *mīn*, *tīn*, *sīn* изъ прабалт. **mēn*, **tēn*, **sēn*. Бернекеръ Pr. Spr. 207 сл., правда, которому слѣдуютъ Бругманъ Grdr. II², 2, 413 сл. и Траутманъ Altpr. Spr. 269 (ср. также Bezzenberger BB. XXIII 304), оспариваетъ это, считая невѣроятнымъ, чтобы і только въ этихъ формахъ обозначалось черезъ *ie*, и полагая, что въ такомъ случаѣ рядомъ съ *mien*, *tien*, *sien* (встрѣчающимися весьма часто) мы находили бы также **mīn*, **tīn*, **sīn*. Какъ самъ Бернекеръ представляетъ себѣ происхождение этихъ прусскихъ формъ, для меня не совсѣмъ ясно, и поэтому передаю тутъ его объясненіе дословно: «Nach einem dat. **mei*, **tei*, **sei*, letzteres vielleicht in *grīkisi*, lit. *mi ti si*, wurde nach Art der -jo- St. für **men* **ten* **sen* Formen wie **mjēn* **tjēn* **sjēn* gebildet ...Eine Stütze dieser Auffassung ist vielleicht das Erscheinen der Nebenformen *sin* *tin*, ersteres viermal, letzteres ein mal: das wäre dann dasselbe Nebeneinander wie *dien*—*din*, *schin*—*schien*». Приблизительно такъ же выражается Бругманъ l. с.: «*sien* *sin* kann nicht wohl von *schien* *schin*, *dien*, *din* ...getrennt werden..., und so kann *sin* in nähere Beziehung zu ai. *sīm* ...gebracht werden..., um so eher, als *sin* viermal und daneben *tin* nur ein mal vorkommt. *sien* war

möglicherweise Neubildung für *sin*, wie *schien* für *schin* ...eingetreten ist. Aber alle drei Formen *mien*, *tien*, *sien* können auch Umbildung der urbalt.-slav. Formen sein, deren lautgesetzliche Fortsetzung aksl. *me*, *te*, *se* sind. So liegen eventuell in *sien*, *sin* zwei verschiedene Formationen vor, die gleichbedeutend geworden sind, nur dass *sien* haupttonig gebraucht wurde..., *sin* enklitisch...; *tin* .. wäre dann dem *sin* nachgeschaffen». Предполагаемая Бернекеромъ формы вродѣ **men* невѣроятны въ виду асс. с. на *-in* (наприм., *semmin*) отъ основъ на *-iē*: изъ прабалт. **mēn* вѣроятно должно было возникнуть **mīn*, откуда (если допустить сокращеніе гласнаго) **min*. Предположенію же, что рядомъ съ этимъ **min* возникло **mjēn* подѣ влияніемъ колебанія между *din* и *dien* и между *schin* и *schien*, не очень благоприятно то обстоятельство, что рядомъ съ *din* (7×) встрѣчается *dien* (и то въ значеніи женскаго рода!) всего одинъ разъ. И что до асс. с. отъ *schis*, то *schien* (2× m. g.; 1× fem. g.), кажется, болѣе поздняго происхожденія, нежели *schin* (3× fem. g.) и *shan* (3× m. g.; 13× fem. g.), и встрѣчается, во всякомъ случаѣ, рѣже, чѣмъ *shan*. И какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что въ качествѣ самостоятельнаго слова мы встрѣчаемъ только *mien*, *tien*, *sien*, формы же *tin* и *sin* только въ энклитическомъ положеніи? Какимъ путемъ могло возникнуть такое распредѣленіе этихъ формъ? Траутманъ же, отвергая объясненіе Бернекера и Бругмана, полагаетъ, что *mien*, *tien*, *sien* получились путемъ сложения формъ *mi*, *ti*, *si* (изъ иде. **moj*, **toj*, **soj*) и пресловутой частицы *-an*. Но едва ли это правильно. Во-первыхъ, я считаю рискованнымъ прибѣгнуть тутъ къ такой частицѣ, которая въ балтійскихъ языкахъ нигдѣ не встрѣчается. Затѣмъ я сомнѣваюсь въ возможности перехода иде. **moj* или **mej* и др. въ пр. **mi* и др.: въ литовскомъ могли получиться *mi*, *ti*, *si* черезъ **mie*, **tie*, **sie* изъ **mej*, **tej*, **sej* (можетъ быть, въ неудараемомъ положеніи изъ иде. **moj* и др.); въ прусскомъ же никакого *ie* не было. И такъ же и въ концѣ неодносложныхъ словъ прусскій языкъ сохраняетъ прабалт. *-ai* и *-ei* во всѣхъ ясныхъ случаяхъ (такъ что приведенные Траутманомъ и другими случаи съ пр. *-i* якобы изъ *-ei*, *-ai*, насколько они не ошибочны, могутъ имѣть это *-i* только изъ прабалт. *-i*, *-ī*, *-ē*;

см. выше стр. 141¹ и ниже). Пр. *-si* «-ся» (всего 4×; наприм., *dātunsi* «sich geben»), значить, я считаю возможным возводить только къ прабалт. и иде. **sē*, ср. скр. *mā*, *tvā*. И если даже допустимъ, что на прусской почвѣ могло изъ прабалт. **mei* или **maj* въ неударяемомъ положеніи получиться **mi*, то слишкомъ еще сомнительно, чтобы это **mi* возникло уже въ ту отдаленную эпоху, когда (теперь совершенно утраченная ими) частица **an* была въ балтійскихъ языкахъ еще продуктивна, какъ словообразовательный элементъ. И какъ, наконецъ, Траутманъ объясняетъ, что пр. *mien*, *tien*, *sien* имѣютъ исключительно значеніе винительнаго падежа, если въ нихъ кроется рефлексъ иде. **moj*, **toj*, **soj*? Послѣ всего этого, кажется, было бы проще и естественнѣе всего принимать съ Лескиномъ пр. *mien*, *tien*, *sien* за *mīn*, *tīn*, *sīn* изъ прабалт. **mēn*, **tēn*, **sēn*. Но возможно ли это вообще послѣ направленной противъ этого аргументаціи Бернекера? Она всецѣло построена на послылкѣ, что авторъ третьяго катехизиса (въ которомъ встрѣчаются *mien*, *tien*, *sien*), подобно современнымъ лингвистамъ, могъ передавать извѣстный звукъ повсюду только однимъ и тѣмъ же знакомъ. Траутманъ, считая, должно-быть, эту послылку не подлежащей сомнѣнію, выводитъ отсюда Altpr. Spr. 180 дальнѣйшее заключеніе, что, наприм., *bh* въ *bhe* «и; безъ» (при *beggi* «ибо») «lediglich als orthographische Schrulle anzusehen» не позволительно. А между тѣмъ AfslPh. XXXII, 293 мною уже указано, что это не только позволительно, но даже обязательно: это *h* въ *bhe* (какъ и въ *thu* или *thou* «ты», *pho* «по», *kha* «quod») вызвано стремленіемъ избѣгать на письмѣ слишкомъ коротенькихъ формъ, замѣтнымъ какъ, наприм., въ древне-ирландской письменности, такъ и въ латышскихъ текстахъ XVI и XVII столѣтій (гдѣ, наприм., вмѣсто *ne* «не» обыкновенно пишутъ *nhe*) и даже еще въ латышскомъ словарѣ Ульмана, гдѣ, наприм., рядомъ съ *tele* «телка» пишется *tē* «здѣсь», хотя это слово произносится съ тѣмъ же краткимъ *e*, какъ и первый слогъ слова *tele* (но *te* казалось какъ-то слишкомъ безтѣлеснымъ и поэтому было пополнено хотя бы знакомъ ударенія!). Формы вродѣ *bhe* доказываютъ, что и Вилль (авторъ III катехизиса) избѣгалъ на письмѣ слишкомъ коротенькихъ формъ. А если это

такъ, то я считаю возможнымъ, что по той же причинѣ онъ вмѣсто *mīn*, *tīn*, *sīn* писалъ (въ духѣ нѣмецкаго правописанія ¹⁾), гдѣ *ie=ī*) *mien*, *tien*, *sien* вездѣ, гдѣ эти формы являются самостоятельными словами (только 63, 31—по изданію Траутмана—мы находимъ *wartinna sin* ²⁾ «wende er sich», и 67, 22—*imma tin* «nehme dich»), между тѣмъ какъ въ качествѣ энклитики, слившейся съ предыдущимъ глаголомъ, пишется *-sin* (весьма характерно въ этомъ отношеніи *audāsin* «geschehe» 35, 23 рядомъ съ *audast sien* «geschieht» 35, 3, 16, 25, 28: едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же *sīn*). Что Вилль такъ послѣдовательно писалъ *mien*, *tien*, *sien* (съ *ie*), нисколько не болѣе удивительно, чѣмъ постоянное у него *bhe* (при *beggi*). И *tit* (чаще: *tīt* и *tijt*) «(al)so» (при *mien*, *tien*, *sien*) не болѣе странно, чѣмъ, наприм., частое *ka* «quod» (*kha* только въ I кат.) при *bhe*. Присоединяясь въ этомъ вопросѣ къ Лескину, мы избавляемся отъ необходимости считать пр. *tin* за новообразование, возникшее подъ вліяніемъ *sin*, и отдѣлять *tin* и *sin* отъ однозначныхъ *tien* и *sien*, и находимъ въ прусскомъ языкѣ старія формы асс. s., тождественныя съ црксл. *мѣ*, *тѣ*, *сѣ*.—Первоначальныя формы *i*. и лос. s. трудно установить.—Во множеств. ч. балтійскіе языки сохранили рефлексъ старой формы (**iūs*) им. пад. личн. мѣстоименія 2 лица, между тѣмъ какъ въ праславянскомъ начальное *i-* этой формы было замѣнено черезъ *ц-* подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей съ исконнымъ *ц-*. Что же до 1 лица, то славяно-балтійское **mes* (ср. арм. *mekh* и Brugmann, Grdr. II², 2, 386), сохранившееся въ прусскомъ языкѣ, въ литовскомъ и латышскомъ получило долгій гласный подъ вліяніемъ формы *jūs*, тогда какъ въ праславянскомъ подъ вліяніемъ той же формы 2 лица *e* въ первоначальномъ **me(s)* было измѣнено не только количественно, но также качественно: ср. Meillet Recherches 95 (который однако допускаетъ также вліяніе вин. падежа **ny*). Косвенные падежи имѣютъ въ праславянскомъ какъ *ц-* во всѣхъ формахъ 2 лица (гдѣ это послѣ новообразованія съ *ц-* въ им. пад. совершенно естественно), такъ

¹⁾ Ср. *bietis* (съ *ie=ī*) въ I кат. и *styienuns* во II кат.

²⁾ Въ рукописи Вилля, можетъ быть, было собственно *wartinna sin*.

и *n-* во всѣхъ формахъ 1 лица. Въ прабалтійскомъ же въ мѣстоименіи 1 лица *m-* проникло также въ вин. пад. (ср. пр. *mans* и лит. *mùs*), а въ литовско-латышскомъ затѣмъ и въ остальные падежи; въ мѣстоименіи же 2 лица старое *ц-* отражается только прусскимъ вин. падежомъ *wans*, тогда какъ въ литовско-латышскомъ мы находимъ *j-* во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, а въ *dat.* и *gen.* также въ прусскомъ. Отношеніе пр. *iōūs, iōūson, iōūmas (wans)* къ *mes, noūson, noūmas (mans)* и обобщеніе балтійскими языками гласнаго *и* (долгаго и краткаго) въ мѣстоименіи 2 лица, кажется, говорятъ въ пользу того, что когда-то также въ тѣхъ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало балтійскіе (и славянскіе) языки, нѣкоторые косвенные падежи мѣстоименія 2 лица начинались съ *iu-*¹⁾ (ср., наприм., скр. *yušmāt, yušmābhyaṃ*, ав. *yušmaoūō* и гр. *ὕμῃ*); что въ праславянскомъ мы находимъ *ц-* во всѣхъ падежахъ, можетъ быть объяснено обобщеніемъ этого звука. Какъ въ праславянскомъ вмѣстѣ съ *ц-* обобщенъ (за исключеніемъ вин. падежа) и корневой гласный *a* (изъ иде. *ō*), такъ въ прабалтійскомъ вмѣстѣ съ *i-* обобщено и корневое *ū* (или *u*), и подъ вліяніемъ этого *ū* (или *u*) въ формахъ 2 лица въ прабалтійскомъ получили *ū* (или *u*) также соответствующія формы мѣстоименія 1 лица взамѣнъ рефлекса иде. *ō*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 389.—Общія новообразования славянскихъ и балтійскихъ языковъ мы находимъ въ формахъ вин. (ср. пр. *wans* и чрксл. *вы*), род. (**nōssōm, *cōssōm*) и дат. падежей (**nōmus*)²⁾, ср. Brugmann l. c. II², 2, 420 слл. Насколько древне различіе въ двойств. числѣ между чрксл. *въ, ва* и лит. *vė(du)*³⁾, *jū(du)*, не можетъ быть установлено, такъ какъ возможно думать о новообразованияхъ. Изъ формъ притяжательныхъ мѣстоименій отмѣчу тожество пр. *mais, twais, swais* съ чрксл. *мои, твои, свои*; различіе между ними и литовско-латышскими **manas, *tavaras, *savas* вѣроятно объясняется тѣмъ, что въ прусскомъ и праславянскомъ возникли новообразова-

¹⁾ Это *iū-* возникло, можетъ быть, взамѣнъ первоначальнаго *u-*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 385.

²⁾ Это **nōmus* могло возникнуть при род. п. **nō(s)sōm* подъ вліяніемъ отношенія род. п. **tāsām* къ дат. п. **tāmus*.

³⁾ Ср. гот. *vi-i*.

нія по образцу стараго *mojos (ср. латинск. meus). въ литовско-латышскомъ же *manas (ср. Brugmann. I. с. II², 2, 405) рядомъ съ древними *tavas, *savas (=г. τεός, праитал. *toqos; ав. hava-, гр. έός, праитал. *soqos), такъ что для славяно-балтійской эпохи можно предполагать формы *majas, *taqas, *saqas.

б) *Указательныя и вопросительныя мѣстоименія*. Общимъ достояніемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ являются старыя основы иде. to-, k'i-, i-:jo-, ono-¹⁾ и q'o-, причемъ основа i-:jo- какъ въ славянскомъ, такъ и въ литовско-латышскомъ употребляется въ значеніи личнаго мѣстоименія 3 лица.—Бругманъ Grdr. I² 21 въ числѣ общихъ примѣтъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ приводитъ также форму пом. s. *tas, *tā вмѣсто иде. *so(s), *sā, но Meillet, Les dialectes 44 сл. уже указалъ, что это новообразование, будучи совершенно естественнымъ и встрѣчаясь также въ германскихъ языкахъ, не имѣетъ большого значенія при рѣшеніи вопроса о славяно-балтійскомъ праязыкѣ.

Въ образованіи род. п. ед. ч. славянскіе и балтійскіе языки теперь сильно расходятся между собою, но эти различія можно считать возникшими послѣ «славяно-балтійской» эпохи. Праслав. *togo, какъ указано Маретичемъ (ср. Meillet Recherches 116 и Vondrák Vergl. sl. Gr. II 90), замѣнило собою старую форму аблатива *ta (=лит. tō, лат. tā), слившуюся съ частицею *go²⁾, которую находимъ и въ срб. нѣго, ср. также скр. gha и пр. an-ga; эта замѣна стараго *togo новымъ *togo была вызвана какъ другими косвенными падежами, начинавшимися съ to- (напр. dat. и loc. s.), такъ и старою формою gen. s. *toso³⁾. Это вліяніе *toso на *togo было почти неминуемо, когда, какъ и въ именной флексіи,

¹⁾ Ср. Meillet Roczn. Sl. III, 168.

²⁾ Что эту частицу мы находимъ только въ формѣ аблатива (который благодаря присоединенію этой частицы сталъ такимъ же двусложнымъ, какъ и другіе косвенные падежи), не болѣе удивительно, чѣмъ присоединеніе въ германскомъ частицы -k только къ формѣ винит. пад. личныхъ мѣстоименій.

³⁾ Ср. относительно окончанія црксл. чесо и относительно to- гр. τοίο. Meillet Recherches 115 сл., правда, въ виду црксл. чесо и пр. stesse предполагаетъ для праславянскаго форму *teso; но съ чесо ср. гр. (гом.) τέο при τοίο, а пр. ste- (вмѣсто *sta-) можетъ быть вызвано формою, соотвѣтствовавшею црксл. чесо и гом. τέο; ср. также пр. stesmu: црксл. тому.

тотъ же
то-го-го
то-го-го
то-го-го

тотъ же
тотъ же
См. у Кузнецова
мѣстоименія

старыя формы аблатива основъ на -о стали употребляться также въ значеніи род. падежа, и когда -go въ *tago въ представленіи говорящихъ уже являлось падежнымъ окончаніемъ. Старыя формы gen. s. основъ на -о затѣмъ исчезли, и уцѣлѣлъ только gen. s. *česo, сохраненію котораго содѣйствовало то обстоятельство, что это *česo своимъ če- замѣтно отличалось отъ аблатива *ka-go (ср. латинск. abl. quo къ qui(s) и quid), который, кромѣ того, употреблялся также въ значеніи муж. рода; а такъ какъ въ пом. s. *kz(to) такъ замѣтно отличалось отъ *čz(to), то было желательно имѣть также въ gen.-abl. s. различныя формы для муж. и сред. родовъ ¹⁾.—Изъ балтійскихъ языковъ только прусскій сохранилъ старую форму gen. s., наприм., *stesse*. Уже Лескинъ, Declination 31 и 113 слл., правильно отождествлялъ пр. -sse (должно быть, = *še* изъ прабалт. -sja; о *š* вмѣсто *š* ср. выше стр. 67) съ скр. -sya. И совершенно безъ надобности это оспариваетъ Траутманъ Altpr. Spr. 262, возводя -sse и встрѣчающіяся рядомъ съ нимъ -sei, -sai, -si къ -sjai, возникшему присоедиеніемъ къ -sjo частицы -i. Но -sai и -si, изъ которыхъ и то и другое встрѣчается всего одинъ разъ, рядомъ съ частыми -se и -sei должны считаться простыми описками или опечатками вмѣсто -sei ²⁾. Окончаніе же -sse, какъ показываютъ формы пом. pl. основъ на -о (см. выше стр. 141), правильнѣе возводить не къ -sjoⁱ или къ *sjei, но именно къ -sjo. Что же до

¹⁾ Если уже въ древне-церковно-славянскихъ текстахъ *кого* представляетъ собою также форму вин. падежа (рядомъ съ *мѣ*), совершенно вытѣснивъ старое *kz, то это, можетъ быть, объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ им. падежѣ старое *ko могло дольше держаться, чѣмъ, наприм., *mo, такъ какъ средн. родъ *cz не совпадалъ съ этимъ *ko. Когда затѣмъ подъ вліяніемъ, наприм., пом. и асс. s. *мѣ* форма вин. падежа *kz стала употребляться также въ значеніи им. падежа—сначала рядомъ съ *ko, благодаря колебанію между *kz и *ko въ им. падежѣ *ko стало употребляться также въ значеніи вин. падежа (сначала рядомъ съ *kz), послѣ чего къ нему присоединилась та же частица *jo, что и въ аблативѣ. И такъ какъ въ вопросительномъ мѣстоименіи особенно желательно формальное различіе между им. и вин. падежами, то затѣмъ kz(mo) было оставлено исключительно для имен., kzo(jo) же—для винит. падежа. Если это такъ, то ген.-асс. s. *кого* могъ быть образцомъ при употребленіи формъ вроде *раба* въ значеніи вин. падежа, ср. Meillet Roczn. Slav. III, 159.

²⁾ Относительно -sai ср. впрочемъ также Berneker Pr. Spr. 199; -si и Бернекеръ l. c. 200¹ исправляютъ въ -sei.

-sei, то можно обойтись тутъ и безъ частицы: вслѣдствіе колебанія между *e* и (перенесеннымъ сюда изъ множ. числа) *ei* въ корневомъ слогѣ (*stesse*:*steise*) могло, пожалуй, возникнуть такое же колебаніе и въ окончаніи, перенесенное затѣмъ изъ парадигмы мѣстоименія *stas* въ другія мѣстоименія. Бернекеръ же Pr. Spr. 200 исходитъ отъ формъ gen. s. *maisei*, *twaisei*, считая ихъ возникшими рядомъ съ **maise*, *twaise* (получившимися, по мнѣнію Бернекера, изъ **moi-sjo*, **tʰoi-sjo*) подъ вліяніемъ однозначашихъ **mei*, **tei*; подъ вліяніемъ же колебанія между **maise*, *twaise* и *maisei*, *twaisei* далѣе будто возникло *stessei* рядомъ съ *stesse*. А между тѣмъ формы gen. s. *maise*, *twaise(i)*, *swaise(i)*, *ainontsi* (1×; -*si* вѣроятно ошибочно вмѣсто -*sei*), **schisse* (ср. *schieise* и *schisses*, Trautmann I. c. 264), *supsei*, *kawijdsa* ¹⁾, *iousai* (1×; -*sai* вѣроятно вмѣсто -*sei*) и dat. s. *twaismu* (ср. также dat. pl. *swāimans*), *ainontsmu*, *schismu*, *supsmu*, *kawīdsmu*, *stawīdsmu*, *noīsmu*, *ioīsmu*, *antersmu*, *tīrtsmu*, *kettwīrtsmu*, *wīsmu* вѣроятно объясняются скорѣе такъ, что эти формы возникли рядомъ съ ном. s. *mais* (изъ прабалт. **majas*), *twais*, *swais*, *ainonts*, *schis*, *sup*, *kawīds*, *stawīds*, *ioūs*, **noūs* (ср. ном. s. *nousā*), *anters* (ср. fem. g. *antrā*), *tīrts*, *kettwīrts*, **wiss* по образцу отношенія dat. s. *kasmu* и gen. s. **kasse* къ ном. s. *kas*: казалось, что *kasmu*=ном. s. *kas*+*smu*, **kasse*=*kas*+*se*. Въ такомъ случаѣ была бы понятна и долгота въ dat. s. *maiāsmu* (=ном. s. *maiā*+*smu*), *twaiāsmu*, *swaiāsmu* (эти формы имѣютъ значеніе какъ муж., такъ и женск. рода; ср. *stesmu* «тому» и «той»). Но относительно *maise*, *twaise(i)*, *swaise(i)*, *twaismu*, *swāimans* очень возможно (ср. Leskien, Declination 122), что эти формы утратили *a* ²⁾ послѣ *i* (о выпаденіи гласныхъ послѣ *i* см. выше стр. 176), ср. gen. s. *ainassei* и dat. s. *wargasmu*; въ такомъ случаѣ образцами для упомянутыхъ новообразованій въ gen. и dat. s. могли служить также эти формы притяж. мѣстоименій (*supsei*, *supsmu*: *sup*=*twaisei*, *twaismu*: *twais*).—Также

¹⁾ Ср. *ainessa*; можетъ быть, эти формы указываютъ на прабалт. -*sa* (при -*sja*); ср. также dat. s. *schissai* и *supsai* (при *stessiei*).

²⁾ *twaiasei* «tuaе» 65, 26, можетъ быть, имѣло долгое *a* послѣ *i*, какъ *twaiāsmu*.

для женск. рода прусскій языкъ сохранилъ старую форму gen. s. *stessias* или *stessies*; црксл. же *моѡ* (какъ и dat. и loc. s. *моу*)—новообразование подѣ влияніемъ i. s. *моѡ* (ср. скр. *táyā*), Brugmann Grdr. II² 2, 360.

Въ образованіи dat. s. поразительно сходство лит. *tāmui* и лат. *tam* съ црксл. *тому* (при скр. *tasmāi* и умбр. *esmei*). Но такъ какъ въ прусскомъ еще находимъ старое окончаніе (*stesmu*, *kasmu*), то можно думать, что когда-то также въ праславянскомъ и литовско-латышскомъ имѣлся рефлексъ иде. окончанія *-smōi*. Что же касается утраты *s* какъ здѣсь, такъ и въ loc. s. (црксл. *томъ*, лит. *tamē*), то Бругманъ Grdr. II² 2, 362 склоненъ думать, что **-mōi* возникло взамѣнъ стараго **-smōi* подѣ влияніемъ **-mi* въ i. s. **toi-mi*, и ссылается на црксл. *моѡ*, *мои*, возникшія подѣ влияніемъ *моѡ*. Формы **toīās* и **toīāi* могли возникнуть (взамѣнъ **tosīās* и **tosīāi*) рядомъ съ **toīām* по образцу отношенія, наприм., **genās* и **genāi* къ **genām*; но чтобы *-mōi* возникло въ dat. s. (взамѣнъ **-smōi*) подѣ влияніемъ *-mi* въ i. s., было бы понятно развѣ только въ томъ случаѣ, если бы въ обоихъ падежахъ передъ окончаніемъ (*-smōi* и *-mi*) имѣлась одна и та же корневая форма, между тѣмъ какъ въ dat. s. мы находимъ *to-*, а въ i. s.—*toī-*. Я поэтому согласенъ съ Фортунатовымъ ВВ. XXII 182 въ томъ, что *-m-* возникло рядомъ съ *-sm-* подѣ влияніемъ колебанія между *-sī-* и *-ī-*. Но между тѣмъ какъ Фортунатовъ при этомъ имѣетъ въ виду формы gen. s. **tosīo* и **toīo*, я, не находя нигдѣ никакого **toīo*, исхожу тутъ отъ формъ женск. рода: вслѣдствіе колебанія между **tosīāi* и **toīāi* въ женск. родѣ могло возникнуть новое **tomōi* при старомъ **tosmōi* въ муж. родѣ. Аналогично объясняются формы loc. s. съ *-m-* вмѣсто *-sm-*. Соответствуетъ ли ѣ въ црксл. *томъ* скр. *-in* въ *tāsmīn* или же ав. *i* въ *aē-tahmi*, не можетъ быть установлено. Въ балтійскихъ языкахъ встрѣчалось, можетъ быть, *-in* рядомъ съ *-i*, ср. Bechtel, Lit. u. lett. Drucke III, LXXIV, Brückner AfslPh. III 279 сл., Wiedemann Handb. 82, Zubatý JF. VI 286 сл., Brugmann Grdr. II² 2, 363.

Въ творит. падежѣ мы находимъ теперь между славянскими и балтійскими языками такое же различіе, какъ и въ именной

флексіи (см. выше стр. 165): прабалт. **tō* (=ав. *tā*): праслав. **těmь* (=др.-исл. *heim*); только здѣсь передъ *-mь* имѣется не *to-*, но *tě-*, о чемъ ср. van Heltten JF. XXVI 179 сл. Но когда-то, кажется, также въ балтійскихъ языкахъ имѣлись формы, тождественныя съ црксл. *тъмь*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 269 сл.

Въ части косвенныхъ падежей множ. и двойств. ч. мы находимъ въ прабалтійскомъ въ корневомъ слогѣ *-ei-* (пр. *ei*, лит.-лат. *ie*), въ праславянскомъ же *-ě-* (изъ иде. *-oǐ-*); но «въ славяно-балтійскую эпоху» этого различія, можетъ-быть, еще не было, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 369.

Изъ малоольной флексіи. Въ области спряженія славянскими и балтійскими языками съ теченіемъ времени утрачено много старыхъ формъ (формы перфекта и имперфекта и формы конъюнктива и стараго среднего залога) и создано много новообразований, но не сообщая (что можетъ быть объяснено предположеніемъ о возникновеніи ихъ послѣ распада предпологаемаго славяно-балтійскаго единства), такъ что формы спряженія мало освѣщаютъ вопросъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ. Скорѣе всего еще тутъ можно указать на то, что въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ нѣсколько личныхъ окончаній иде. среднего залога стало употребляться въ дѣйствительномъ залогѣ; но и это явленіе столь естественно, что оно не можетъ служить доказательствомъ славяно-балтійскаго единства.

С. Изъ области синтаксиса.

Синтаксисъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ общемъ отзывается древностью, и поэтому неудивительно, если мы въ нихъ находимъ довольно мало общихъ новшествъ. Весьма характерно для этихъ языковъ значительное развитіе предикативнаго творит. падежа, ср. Vondrák Vergl. sl. Gr. II, 353 слл. и Brugmann-Delbrück Grdr. II², 2, 537 слл. и III, 263 слл. (и латышскіе примѣры у Мюленбаха JF. XVII, 411). Что оно указываетъ на эпоху совмѣстной жизни славянскихъ и балтійскихъ племенъ, можетъ быть допущено даже въ томъ случаѣ, если бы это употребленіе творит. падежа было вызвано вліяніемъ финскихъ языковъ (ср. Meillet JFA. XXI,

105), или если бы оно восходило къ иде. праязыку¹⁾, ср. Rozwadowski, Quaestionum gramm. atque etym. series II, 5 слл., Brugmann KVG. 429 и Neckel JF. XXI, 189 слл. Затѣмъ я тутъ приведу еще слѣдующіе случаи сходнаго употребленія творит. падежа: лит. *tu dabar man skalnas* («долженъ», ср. Buga, Aist. Stud. I, 72) *trim kapeikom Viltis* 1908 г., № 75, ср. твор. п. при прксл. *длѣжнъ* у Дельбрюка I. с. 270 и Вондрака I. с. 350; лит. *rūpikimeš sve-timdis wārgais* у Даукши Post. 158, 5, *tu nesirūpink... mūsų sunkėjs darbėlejs* у Юшкевича Liët. dājnos 955, 14, ср. твор. п. при прксл. *нѣмти сѧ* у Дельбрюка I. с. 255 и Вондрака I. с. 351; лит. *iū ne dukšėdamiēs* у Даукши Post. 168, 26, *dukšėtiš savimi pacīiū* I. с. 200, 21, *tikėk manim, kaip pats savim Viltis* 1908 г., № 75, ср. твор. п. при прксл. *нѣвати* у Дельбрюка I. с. 255 и Вондрака I. с. 351.

Относительно дат. падежа отмѣчу тутъ: лит. *stėbekiēs... tam' u* Даукши Post. 179, 17 и лат. *brīnitiēs* съ дат. п. Latweeschu grammatika 176, ср. дат. п. при прксл. *чудити* и *дивити сѧ* у Дельбрюка I. с. 285 и Вондрака I. с. 362; лат. *smiētiēs* Latw. gram. 176 и прксл. *смияти сѧ* у Дельбрюка I. с. 284; лат. *uotra nelaimei nepriēcājiēs* «бѣдѣ другого не радуйся» (Трейландъ, Матеріалы по этногр. лат. племени; дополн., послов. 64), Delbrück I. с. 284; лат. *pīerast* «привыкнутьъ» и *mācīt(iēs)* «учить(ся) Latw. gram. 177, ср. Delbrück I. с. 287 (а съ лит. *mokia*²⁾ *mus pīnūmo* у Даукши Post. 202, 34, см. также 175, 36 и 316, 9, ср. р. *учитися добрыхъ правовъ* у Будде, Энцикл. слав. филол., вып. 12, 106). Dativus absolutus (латышскіе примѣры Latw. gram. 147) встрѣчается, правда, также въ германскихъ языкахъ, но ср. Delbrück I. с. IV, 495 сл. и Streitberg, Gotisches Elementarbuch⁴ 174 сл., и относительно слав. языковъ³⁾ Vondrák I. с. 408 слл.

¹⁾ Можно бы привести также ав. *vərəzγatamča ida vohu vāstrya uyamna anuyamnaiš daste* Vr. 15, 1, если бы ав. формы на -āiš такъ часто не встрѣчались въ значеніи вин. (и имен.) падежа.

²⁾ Также въ перепечатанномъ Быстронемъ лит. катехизисѣ 1605 г. этотъ глаголъ постоянно имѣетъ за собою род. п., наприм., на стр. 33 и 48 въ изданіи Быстроня.

³⁾ Богородицкій (Очерки по языковѣд. и р. яз. ³408 и 410 слл.) почему-то полагаетъ, что въ иде. праязыкѣ имѣлся только loc. absol. и не только

Въ употребленіи *genit. (ablat.)* замѣчательны тутъ слѣдующія совпаденія: род. п. при супинѣ, ср. Vondrák l. c. 323, Meillet Recherches 162 сл. и Zubatý Rocznik Slaw. II, 19; род. п. «in positiven Existenzialsätzen», ср. Delbrück l. c. III, 318 сл. и Vondrák l. c. 322 сл. (латышскіе примѣры даются Мюленбахомъ JF. XIII, 227 и Latw. gram. 172), и род. п. послѣ отрицанія, ср. Delbrück l. c. 341 сл., Vondrák l. c. 338 сл., Кудрявскій, Ж. М. Н. Пр. CCCX и Zubatý Rocznik Slaw. II, 19. Тутъ же можно упомянуть и о двойномъ отрицаніи, извѣстномъ, впрочемъ, также изъ другихъ языковъ, ср. Delbrück l. c. IV, 535 слл. и Vondrák l. c. 401 сл., и о дополненіи инфинитива въ имен. падежѣ, ср. Delbrück l. c. IV, 460 слл.

Д. Сходство словарнаго состава.

Едва ли ошибемся, сказавъ, что столь распространенная гипотеза о славяно-балтійскомъ праязыкѣ возникла главнымъ образомъ на основаніи большого сходства въ словарномъ составѣ славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерно то, что Погдинъ, который когда-то раньше, подобно Бодуэну-де-Куртене, считалъ этотъ праязыкъ «ученой фикціей», призналъ особую славяно-балтійскую эпоху въ предисловіи книги ¹⁾, посвященной разбору корней славянскихъ (и балтійскихъ) языковъ. Чтобы наглядно показать, насколько эти языки сходятся въ своемъ словарномъ составѣ, я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ списокъ словъ, свойственныхъ исключительно славянскимъ и балтійскимъ языкамъ (несколько не претендуя на полноту, ср. также Meillet, Les dialectes 46 слл.). При этомъ буду ставить въ скобкахъ тѣ слова, *корень* которыхъ хорошо извѣстенъ также изъ другихъ иде. языковъ. И такъ какъ желательны указанія на удареніе и интонацію, то по мѣрѣ возможности представителемъ славянскихъ языковъ будетъ служить не древне-церковнославянскій, но одинъ изъ

предполагаетъ его для славянскихъ языковъ (ср. балт. *dat. abs.*), но находить его и съ латинскомъ (ср. *ablat. absol.* въ осско-умбрекомъ, гдѣ мѣстн. п. не совпалъ съ аблативомъ!). Приведенный же имъ по Явнису литовскій оборотъ (l. c. 408¹) не *loc. absol.*, но обычный *loc. temporalis*.

¹⁾ «Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ».

современныхъ славянскихъ языковъ (по преимуществу сербо-хорватскій или русскій).

ГЛАГОЛЫ:

(лит. *álkti*: ч. *lákati*).

(лат. *baŕu bārt*=р. -борю -бороть).

(лат. *bēgu*, лит. *bēgti*=р. бѣгѹ, діал. бѣчи).

(лит. *budėti*, лат. *baudīt*=р. бѣтъ, срб. *būditi*).

(лит. *dūsėti*=р. дышѣтъ).

(лат. *dirāt*=р. -дирѣтъ).

(лат. *dēju dēt dētiēs*: малор. -дѣю, -дѣму).

(лат. *gadiŕiēs*=р. годѣтъ).

(лат. *gāddāt*: р. годѣтъ).

(лит. *ganėti*=црксл. гонѣти).

(лит. *ganýti*=срб. *gōniti*).

(лат. *grābāt*=малор. грабати).

(лит. *ieškóti*=р. ищѣтъ).

(лит. *imù*=црксл. -ѣмъ).

(лат. *kaŕu kaŕt*=р. колю колѣтъ).

(лит. *karóju karóti*=р. конѣю конѣтъ).

(лат. *kaŕju kaŕt*=р. кую, ч. *kouti*).

лат. *klanīt*=р. клонѣтъ.

(лит. *klūpoti*=р. клыпѣтъ, v. d. Osten-Sacken AfslPh. XXXII, 330).

(лат. *kūpēt*=р. купѣтъ).

(лит. *laupýti* у Буги Aist. Stud. I, 187=р. лупѣтъ).

лит. *leñkti*, лат. *ludcit*=црксл. лѣтити, срб. *lúčiti*.

(лит. *lieti*=срб. *liti*).

(лит. *mainýti*=срб. *mijēniti*).

(лит. *maišýti*=р. мѣшѣтъ).

(лат. *mānīt*: р. манѣтъ).

(лат. *mērit*=р. мѣритъ).

лит. *metù*, лат. *mētāt*=црксл. метѣ, -мѣтати.

лит. *miegóti*=р. мигѣтъ.

(лит. *minù*=црксл. мѣнѣ).

(лит. *mojoti*=црксл. маяти).

- (лит. *nerti* = прксл. *-нръти*).
(лит. *ovytiš*, ср. Изв. XV, 2, 216 = прксл. *авити са*).
(лит. *pelnyti* = срб. *plijèniti*).
(лит. *pinù* = прксл. *пънъ*).
лит. *pyškėti* = р. *пицѣть*.
(лит. *prašyti* = р. *просѣть*).
(лат. *radit* = р. *родѣть*).
(лит. *raišyti* = р. *ръшѣть*, см. выше стр. 69¹).
(лит. *sėsti, sėdėti* = прксл. *сѣсти, сѣдѣти*).
(лит. *smirdėti* = р. *смердѣть*).
(лит. *sukù* = р. *скупѣ*).
(лит. *šauju* = р. *сѣю*).
(лит. *švaityti* = р. *свѣтитѣ*).
(лат. *vāl'āt* = р. *валѣть*).
(лат. *vadit* = р. *водѣть*).
пр. *waitiāt* = р. *-въчѣть*.
(лит. *žiedžiù* = прксл. *зиждѣ*).
лит. *žvėngti* = прксл. *звѣтити*.

ИМЕНА:

- лит. *vākaras* = р. *вечерѣ*.
(лит. *žiema žiema* = срб. *zima zīmi*).
(лит. *šalna* = срб. *slāna*).
(лит. *anglis* = цксл. *жиль*).
(лит. *degūtas* : р. *déuomъ*).
лит. *geležis* : прксл. *жельзо*.
лат. *krams* или *krēms* : прксл. *кремы*.
(лит. *lėdas* = прксл. *ледѣ*).
(лит. *mėlas* = прксл. *мѣлъ*).
лат. *smėli* «смолистыя полѣнья» : р. *смола*.
(лит. *taukaĩ* : прксл. *тукѣ*).
(пр. *semmē* = р. *земля*).
(лит. *kermušė* : р. *черемшѣ*).
лит. *kr(i)dušė* = болг. *крѣша*.
лит. *liepa* = срб. *Лѣра*.

(лит. *papártis*: р. *náporomъ*).

лит. *riešutas*: црксл. *орѣхъ*.

лит. *šermùkšlè*: словинск. *srę mša*.

пр. *lunkan*=црксл. *лыко*.

(пр. *pelwo*=црксл. *пльва*).

(лит. *váltis*=малор. *волóть*).

(лит. *āvinas*=црксл. *овѣнъ*).

(старолит. *elenis*=црксл. *ѣлень*).

(лит. *ežỹs*=р. *ѣжъ*).

(лит. *kárvè*: р. *корóва*).

(пр. *caune*: срб. *kína*).

лат. *sirna* (см. выше стр. 5)=р. *сёрна*.

лат. *tel's*: црксл. *мелъ*.

лат. *vepris*=црксл. *вепрь*.

(пр. *weware*: црксл. *въверица*).

(лит. *putýtis*=црксл. *пѣтииць*).

лат. *dzilna* (съ прерыв. инт.)=р. *желна́*).

(лит. *gegužė*: староч. *žezhule*).

(лит. *krauklỹs*: црксл. *крыкъ*).

лит. *pýlė*: срб. *pìle*.

лит. *slankà*=ч. *sluka*.

(лит. *šárka*=р. *сорóка*).

лит. *várna*=р. *ворóна*.

лит. *vaĩnas*=р. *воронъ*.

лат. *kuovārna*: малор. *каворон*.

(пр. *angurgis*: р. *уоръ*).

лат. *līnis*=ч. *líň*.

лит. *šāmas*=р. *сомъ*.

(лат. *gnīda*=р. *иніда*).

(лат. *ikri*: р. *икра*).

лит. *naĩštas*=р. *норостъ*.

(лит. *bóba*=срб. *bàba*).

(лит. *drauĩgas*=срб. *drũg*).

(лит. *jaunĩkis*=р. *юнець*).

(лат. *rads*=црксл. *родъ*).

- (лат. *saime*: црксл. *сѣмья*).
 лит. *šeirỹs*: црксл. *сирѣ*.
 пр. *tisties*: црксл. *тѣсть*.
 лат. *smirds* (ср. KZ. XLII, 379)=р. *смердѣ*.
 пр. *wutris*=црксл. *вѣтрѣ*.
 лит. *dėlna*: срб. *dlān*.
 лит. *galvā*=р. *головā*.
 (лат. *guīste*: срб. *gīst*).
 (пр. *insuwis*: црксл. *нѣзыкѣ*).
 (лит. *pagā*=р. *погā*).
 (пр. *pagutis*=црксл. *погѣть*).
 лит. *pentinas*: црксл. *пѣтъно*.
 лит. *pėntis*: црксл. *пѣта* (ср. *о-пѣтъ*).
 лит. *pīřštas*: срб. *pīřt*.
 ! (лит. *pīřšės* (въ Хвейданскомъ гов.) «грудь у лошади»: срб. *pīřsi*).
 (лит. *plaučiai*: срб. *plūca*, ср. лат. *plaukšas*).
 (лат. *pleksna* или *plezna*=малор. *плесна* или *плезна*).
 лит. *rāgas*=црксл. *рогѣ*.
 лит. *rankā raĩkū*=срб. *rūka rūku*.
 (лит. *akstis*=р. *остѣ*).
 (лит. *akstinās*=црксл. *остѣнѣ*).
 лит. *aldia* (у Даукши Post. 107, 25): црксл. *ладим*.
 (пр. *dalptan*=р. *долотѣ*).
 лат. *dandzis*: р. *дѣга*.
 лит. *kaĩkalas*=р. *колоколѣ*.
 лат. *kārba*=бѣлор. *корѣба*.
 пр. *creslan*=малор. *крѣсло*.
 (лит. *kūjis*=црксл. *куи*).
 (лит. *kūrpės*=срб. *kīrp'le*).
 лит. *laĩkas*=срб. *lūk*.
 лит. *lōra*=р. *лѣва*.
 лат. *lemesis*=црксл. *лемешѣ*.
 лат. *mėrga* (съ прерыв. инт.): р. *мерѣга*, *мерѣжа*.
 лат. *nazis*=црксл. *ножѣ*.
 лит. *nūtys*=срб. *nīti*.

лат. *piõsms*: срб. *pãsmo*.

лит. *sietas*: срб. *sïto*.

лат. *šk'eps*=црксл. *шпанъ*.

лит. *temptyva*=срб. *tetiva*.

(лит. *vainikas*=р. *вѣнѣцъ*; лат. *vaiñuks* BW. 5774, 2 вар.: р. *вѣно́къ*).

(пр. *warto*=црксл. *врата*).

лит. *véntaris*: р. *вѣтеръ*.

(лит. *virvė*: р. *вервь*).

лит. *klėtis*=црксл. *клѣть*.

лит. *pirtis*=древнер. *пѣрътѣ*.

(лит. *barnis*=црксл. *брань*).

(лит. *bėgas*=р. *бѣгъ*).

(лит. *brėdas*=р. *бродъ*).

(лат. *daba*=р. *доба*).

(лат. *da'la*=р. *доля*).

(лит. *daĩsos*: срб. *dũha*).

(лит. *dũsas*=малор. *дох*).

лит. *drugỹs*: р. *дрожь*.

(лит. *duonis*=црксл. *данъ*).

пр. *eyswo*: црксл. *язва*.

лит. *ėžeras* (пр. *assarar*)=срб. *jėzero*.

(лит. *grũodas*=срб. *grăd*).

(лат. *kams*=р. *комъ*).

(лит. *kaĩtas*=црксл. *кратъ*).

лит. *lankà*=срб. *lũka*.

лат. *lausks* (ср. словарь Ульмана и *Etnografiskas ziņas par latwee-scheem* 39 и 58)=малор. [но] *лук*.

лат. *lauska*=р. *лука*.

(лат. *maina*=р. *мѣна*).

лат. *miēlasts*: срб. *mĩlost*.

лат. *miērs*=ч. *mír*.

(лат. *nāve*: црксл. *навъ*).

(пр. *panto*: р. *пѣты*).

(лит. *peĩnas*=срб. *pfijen*).

(лат. *prieds*=словинск. *prid*).

лат. *remesis* : р. *ремесло*.

лат. *rinda* : срб. *rěda*.

лит. *siela* (Būga Aist. Stud. I, 82) = срб. *сила*.

(лат. *sliēnas* = срб. *slīne*).

(лат. *smards* = црксл. *смрадѣ*).

(лат. *šk'vība* = словинск. *ščrba*).

лит. *talkà* = бѣлор. *молокà*.

лит. *tuĩgus* = срб. *tfg*.

лат. *vaĩna* : црксл. *вина*.

(лат. *val'a* = р. *воля*).

(лат. *valsts* съ нисход. инт. = р. *во́лость*).

лит. *vietà* : црксл. *вѣстѣ*.

(лит. *viršus* = срб. *vřh*).

лат. *dārgs* = р. *дорогъ*.

(лит. *glodūs* : црксл. *ладѣжѣ*).

(лит. *jāunas* = црксл. *юнѣ*, ср. Osthoff MU. VI, 293 сл.).

лит. *kietas* = срб. *čĩtĩ*.

лит. *kiĩštās* = срб. *čēst*.

(лит. *(s)kỹstas* = срб. *čĩst*).

(лит. *kreĩvas* = срб. *kriv*).

(лит. *krūvinas* = р. *крóвнѣй*).

лит. *liesas* = црксл. *лѣхѣ*.

(пр. *malda* = црксл. *младѣ*).

(лит. *mandrūs* = црксл. *мѣдрѣ*).

лит. *mielas* (или *mylūs*) = срб. *mĩo*.

(лат. *nuõgs* = р. *наоũ*).

пр. *pausto* = црксл. *пѣсто*.

лит. *raiškūs* : црксл. *рѣснѣ* (см. выше стр. 55).

(лит. *saldūs* : црксл. *сладѣжѣ*).

(лит. *šývas* = срб. *sĩv*).

лат. *vęşels* = црксл. *вѣселѣ*.

лит. *vĩsas* = црксл. *вѣсѣ*.

лит. *kelĩ* : црксл. *колѣ*.

лит. *abũ* = црксл. *оба*.

(лит. *ašmas* = црксл. *осмѣ*).

(лит. *deviñtas* = р. *девя'тый*).

(лит. *kòks*, *tòks* : црксл. *какъ*, *такъ*).

НАРѢЧІЯ, ПРЕДЛОГИ И ЧАСТИЦЫ:

лит. *nūnai* : р. *ны'нь*.

(лит. *bè* : црксл. *без*).

лат. *iz* = црксл. *из*.

лит. *ũž* = црксл. *вѣз*.

(лит. *prĩẽ* = црксл. *при*).

лит. *ažuo-* : црксл. *за*.

(пр. *no* = црксл. *на*).

(лит. *ĩ* = црксл. *и*).

(лит. *jaiũ* = црксл. *ю*).

Очень возможно, что въ этотъ списокъ попало нѣсколько такихъ словъ, сходство которыхъ объясняется не ихъ родствомъ, но заимствованіемъ; и для нѣкоторыхъ словъ, можетъ быть, найдутся соотвѣтствующія формы также въ другихъ родственныхъ языкахъ. Но зато при болѣе тщательномъ пересмотрѣ словарей славянскихъ и балтійскихъ языковъ вѣроятно можно было бы прибавить нѣсколько соотвѣтствій къ этому перечню, такъ что общее число ихъ значительно не измѣнится. Особенно замѣчательно частое совпаденіе въ названіи частей тѣла, и это тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи отдѣльные индоевропейскіе языки значительно расходятся между собою (ср. названія головы, руки, пальца, груди). Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду еще и то, что мною тутъ пропущены славяно-балтійскія слова, отличающіяся своимъ значеніемъ отъ тождественныхъ по формѣ словъ родственныхъ языковъ, какъ, наприм., лит. *nešũ* = црксл. *несж*: скр. *naśāmi* «достигаю». Весьма значительно сходство въ значеніи предлоговъ и префиксовъ прабалт. **ažō*, слав. *za* (ср. мои Лат. предлоги I 17 слл. и II 20 слл.), прабалт. **ari*, слав. *o* (I. с. I 27 слл. и II 28 слл.), прабалт. **ata*, праслав. **ot* (I. с. I 58 сл. и II 34 слл.), прабалт. **už*, праслав. **vъz* (I. с. I 110 слл. и II 55 слл.), прабалт. **pa*, слав. *po* (I. с. I 141 слл. и II 71 слл.), прабалт. **per*, праслав. **per* (I. с. I 155 слл. и II 81 слл.).—Но для того, чтобы правильнѣе оцѣнить

степень сходства въ словарномъ составѣ, необходимо сопоставленіе его съ общимъ достояніемъ словъ въ какихъ-нибудь двухъ другихъ группахъ языковъ. Наиболѣе подходящимъ объектомъ сравненія, пожалуй, являются италійскіе и кельтскіе языки, для которыхъ Meillet (см. выше стр. 2) предполагаетъ особый итало-кельтскій праязыкъ. И вотъ каковъ результатъ моего сопоставленія: *Urkeltischer Sprachschatz* Stokes'a содержитъ всего приблизительно 65 словъ, свойственныхъ исключительно кельтскимъ и италійскимъ языкамъ, между тѣмъ какъ мой списокъ славяно-балтійскихъ словъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 200 словъ; и при этомъ слѣдуетъ считаться еще и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что памятники италійскихъ и кельтскихъ языковъ гораздо древнѣе, чѣмъ памятники славяно-балтійскихъ языковъ, такъ что въ италійскихъ и кельтскихъ языкахъ можно искать больше старыхъ словъ.

Заключение.

Итакъ, мы нашли нѣсколько, кажется, весьма древнихъ различій между славянскими и балтійскими языками: первые изъ нихъ своимъ *x* изъ иде. *s* и *kh* рѣзко отличаются отъ балтійскихъ языковъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ арійской вѣтви; ср. еще *i. s.* основъ на *-o* и *gen. pl.* основъ на *-i*. Съ другой же стороны, есть и цѣлый рядъ совпаденій; изъ нихъ наиболѣе древними я считаю *ur*, *ul*, *um*, *un* рядомъ съ *ir*, *il*, *im*, *in* въ корняхъ ряда *e* и окончаніе *-tus* для *dat. pl.* Затѣмъ еще отмѣчу сходное развитіе сочетанія *ec*, образованіе опредѣленныхъ прилагательныхъ посредствомъ основы *jo-*, употребленіе въ парадигмѣ основъ на *-o* стараго аблатива въ значеніи родит. падежа, возникновеніе въ мѣстоименной флексіи новообразования *min-*, *gen. pl. *nōs(s)ōm*, сильное развитіе предикативнаго творит. падежа и дополненія въ родит. падежѣ послѣ отрицанія и, наконецъ, значительное сходство словарнаго состава. Въ виду всего этого я представляю себѣ доисторическую эпоху славянскихъ и балтійскихъ языковъ слѣдующимъ образомъ. Уже въ эпоху общаго индо-европейскаго праязыка «славянскій» говоръ кое-чѣмъ отличался отъ «балтійскаго» говора, занимая приблизительно срединное положеніе между «арійскимъ»

и «балтійскимъ» говорами. Когда же при распаденіи общаго праязыка арійцы отдѣлились территоріально отъ славянъ, послѣдніе, оставаясь ближайшими сосѣдями балтійскаго племени, вступили съ нимъ въ эпоху совмѣстной жизни, во время которой ихъ языки были еще настолько близки другъ къ другу, что славяне еще понимали балтійскую рѣчь и наоборотъ. Въ то время ихъ языки обогатились цѣлымъ рядомъ общихъ имъ новыхъ словъ и подверглись нѣкоторымъ (немногимъ!) общимъ измѣненіямъ въ области фонетики, морфологій и синтаксиса. Можно, значить, на мой взглядъ, говорить о «славяно-балтійской эпохѣ»; терминомъ же «славяно-балтійскій праязыкъ» лучше будетъ не пользоваться, такъ какъ это выраженіе легко порождаетъ мысль о полномъ единствѣ въ лингвистическомъ отношеніи.—Въ пользу того, что славянская рѣчь отличалась отъ балтійской уже въ эпоху иде. праязыка, говоритъ и то обстоятельство, что нѣтъ, кажется, различныхъ степеней близости отдѣльныхъ славянскихъ языковъ къ отдѣльнымъ балтійскимъ языкамъ (нѣкоторыя балтійскія нарѣчія, правда, вымерли, не оставивъ за собою никакихъ памятниковъ). Относительно славянскихъ языковъ врядъ ли можно сомнѣваться, что всѣ они одинаково отдалены отъ балтійскихъ языковъ (если въ русскомъ, кашубскомъ и полабскомъ *-or-*, какъ и въ балтійскихъ языкахъ, не подвергается перестановкѣ, то это въ данномъ вопросѣ лишено всякаго значенія, такъ какъ это не новшество, но сохраненіе старины, и въ праславянскую эпоху вѣроятно еще всѣ славянскіе говоры сохраняли внутри слова *e* и *o* передъ плавными). Что же касается балтійскихъ языковъ, то прусскій языкъ, какъ отчасти выше указано (ср. также Trautmann Altpr. Spr., стр. IX и XIII сл.), кое въ чемъ расходится съ литовско-латышскимъ и сходится съ славянскими языками. Но за исключеніемъ пр. *twais*, *swais* (=чрксл. *твои*, *свои*), гдѣ совпаденіе, можетъ-быть, случайно (см. выше стр. 185), въ случаяхъ спеціальнаго сходства прусскаго языка съ славянскими въ области грамматики мы имѣемъ дѣло не съ общими новообразованіями, но съ сохраненіемъ старины (ср. наприм. пр. *poison*, *tebbei*, *wans*: чрксл. *насъ*, *тебъ*, *вы* и сохраненіе средняго рода), такъ что эти совпаденія не доказываютъ болѣе тѣснаго (по

сравненію съ литовско-латышскимъ) родства прусскаго языка со славянскими. И какъ мы находимъ въ прусскомъ языкѣ нѣсколько словъ, соотвѣтствія которымъ имѣются въ славянскомъ, но не въ литовско-латышскомъ, такъ и въ литовскомъ и латышскомъ есть слова, сходныя не съ прусскими, но славянскими формами. А если это такъ, то я не рѣшаюсь только на основаніи пр. *twais* и *swais* предполагать болѣе тѣсное родство прусскаго языка со славянской вѣтвью: ср. праслав. **koti*, лит. *kāmi*, лат. *kam*; пр. *kasmi*. Последнее слово науки о славяно-балтійскомъ сродствѣ мною, конечно, не сказано: дальнѣйшая разработка ударенія и синтаксиса, а также словарнаго состава, вѣроятно, еще болѣе освѣтитъ этотъ вопросъ. Но смѣю думать, что и въ настоящее время мои выводы не слишкомъ поспѣшны.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 5¹. По сообщенію К. К. Буги вмѣсто *sirgti su* слѣдуетъ писать *siġti su* (= *siġti* «хворать»).

Къ стр. 9. Вмѣсто лит. *kūli veĩsti* слѣдуетъ читать *kūli veĩsti* (*i*=*i* назализованное).

Къ стр. 11, 17. Вмѣсто *u* слѣдуетъ читать *ц*.

Къ стр. 12. О латинск. *simpulum* см. теперь второе изданіе словаря Walde 713.

Къ стр. 16, 22. Вмѣсто *dzemi* чит. *dzemi*, и 16, 25 вм. *delu* чит. *dēlu*.

Къ стр. 17². *u* изъ *uo* имѣется, кажется, также въ лит. *purvai* «Strassenschmutz» и въ лат. *purvs* (откуда въ части говоровъ *purs*, ср. *ciris* изъ *cirvis* «топоръ», или *spārs* изъ *spārvs* «слѣпень») «болото», ср. ниже-луж. *para* «Котъ», полаб. *poro* «Kot, Morast» (рядомъ съ *p-* мы находимъ тутъ и *b-*, ср. словарь Бернекера подъ *bara*). Въ пользу этого говорятъ лат. діалектическія формы этого слова: *puors* BW. 29678 вар. (изъ Нидеръ-Бартау, гдѣ *ur* не измѣняется въ *uor*) и *purs* BW. 25915, 7 и 28885 (изъ инфлянскихъ говоровъ, гдѣ *u* изъ *uo*).

Къ стр. 18. Также Зубатый LF. XXIII 453 считаетъ *ur* (*vr*) и т. д. за «нулевую ступень» сочетанія *or* и т. д.

Къ стр. 19. К. К. Буга мнѣ пишетъ, что изъ лит. говоровъ, различающихъ *ś* отъ *s*, онъ знаетъ только *siēsti* и *siuñtinti* (а не *sūsti* и *suñtinti*, взятые мною изъ словаря Куршата), и что онъ сомнѣвается въ существованіи лит. *dramstis* «хмуриться» (взятого мною изъ словаря Юшкевича), указывая на то, что Юшкевичъ иногда ошибочно пишетъ *am*, *an* вмѣсто *um*, *un*.

Къ стр. 22. Во второмъ изданіи своего словаря Walde сопоставляетъ (подъ *curvus*) арм. *kuon* (велѣдъ за Lidén'омъ) съ гр. γυρός и др.

Къ стр. 30, 17. Послѣ XLIV надо вставить 58.

Къ стр. 32. По мнѣнію К. К. Буги лит. *versmẽ*—въ виду *verdẽnẽ* «ключъ» (*Salõčiai*)—можетъ быть, восходить къ **verd-smẽ*; по его же сообщенію вмѣсто *vẽversỹs* «жаворонокъ» слѣдуетъ писать *vieversỹs* (ген. s. *vieversio*, наприм. въ Поневѣжск. говорѣ).

Къ стр. 35. Въ лит. *balkšvas*, какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, можетъ быть, не вставное, но корневое *k*, ср. глаголь *balkstu*.

Къ стр. 36, 5. К. К. Буга, указывая на *šmẽkla* «привидѣніе» и др. въ Дусятахъ, полагаетъ, что вмѣсто *šmiekšóti* слѣдуетъ писать *šmẽkšóti*.

Къ стр. 38, 6. К. К. Буга оспариваетъ правильность интонаціи въ *vaikstas* (у Куршата въ скобкахъ), указывая на синонимное *váistas* (въ Купишкахъ) и *váistras* «способъ, средство» (въ Дусятахъ).

Къ стр. 38, 9. На долготу *u* въ *aduksis*, по сообщенію К. К. Буги, указываетъ тождественное съ нимъ *ãduksis* въ Хвейданахъ.

Къ стр. 41². Др.-ирл. *gair* значить (не «длинный», но) «короткій», ср. Osthoff MU. VI 197.

Къ стр. 42¹. К. К. Бугѣ извѣстно только *šiũpti* (наприм. въ Хвейданахъ), а не *šũpti*, какъ читаемъ у Куршата въ скобкахъ.

Къ стр. 43, 10. Вмѣсто *šk'ėvas* чит. *šk'ėvas*.

Къ стр. 50¹. Вмѣсто *siũbóti* Куршата К. К. Буга знаетъ только *siũbiuoti* (напр. въ Дусятахъ, Хвейданахъ и Владиславовѣ).

Къ стр. 52². Вмѣсто *vecs* чит. *vẽcs*.

Къ стр. 52². Вмѣсто *vẽtušas* чит. *vetũšis*.

Къ стр. 53. Вмѣсто *truša* и *trišti* (у Куршата въ скобкахъ), какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, слѣдуетъ писать *trašà* (= *trušà* въ Дусятахъ) и *trešti* (*tryšt* въ Дусятахъ), какъ установлено уже Явнисомъ, Поневѣжскій у. 123.

Къ стр. 56, 2. Существованіе формы *ýskiai* К. К. Буга мнѣ удостоверяетъ ссылкой на словарь Юшкевича (стр. 720) и на свои личныя наблюденія.

Къ стр. 76. Рядомъ съ *juozmiũ*, на что мнѣ указываетъ К. К. Буга, имѣется и *juozėti* въ словарѣ Юшкевича подъ *jũsėti*.

Къ стр. 90, 11. Слово *laidaras* извѣстно К. К. Бугѣ только съ *ai* (а не *ái*) и только изъ сосѣднихъ съ латышскимъ краемъ мѣстностей, такъ что оно, можетъ быть, заимствовано изъ латышскаго языка, ср. Bezzenberger GGA. 1885 г., 918.

Къ стр. 91, 14. Лит. *vẽselas*, по мнѣнію К. К. Буги, заимствовано изъ р. *въшало*.

Къ стр. 97, 5 (о лат. *i* изъ *u* передъ *v*, *b*). Переходъ *u* въ *i* вѣроятно имѣлъ мѣсто только передъ такимъ *v*, *b*, за которыми слѣдовало *i* (или *e*?): *divi*, *zivs* изъ **zivis*, *sivēns* (вѣроятно произведено отъ **suvis* > **sivis* «свинья», возникшаго замѣнъ болѣе древняго **sūs*), *dibins* (подъ вліяніемъ этого слова могло возникнуть *Dignāja* < **Dibnāja* изъ **Dubnāja*, ср. нѣмецкое названіе этой мѣстности «Dubena» и лит. *dūgnas* изъ **dūbnas*), но *tuvu druva* (въ *tivu i*, можетъ быть, перенесено изъ формъ съ *i* за *v*, а восточно-лат. *driva*, если оно свойственно говорамъ съ *i*ц изъ *п*, можетъ восходить къ **driuva*, ср. KZ. XLIII 40 сл.).

Къ стр. 97, 23. Что въ пр. *weware* было долгое *e* въ первомъ слогѣ, въ пользу этого говоритъ также лит. *vėveris*, асс. s. *vėveri* у Буги Aist. Stud. I 62.

Къ стр. 98. Уже послѣ того, какъ седьмой листъ былъ отпечатанъ, вышла апрѣльская книжка журнала Göttingische gelehrte Anzeigen за 1911 г., гдѣ на стр. 249 Trautmann даетъ такую же этимологію праславянскаго *drev-*, какъ и я.

Къ стр. 99¹. К. К. Буга мнѣ пишетъ, что вмѣсто лит. *drėvis* (съ *ė*) онъ знаетъ только *drėvė* (въ Хвейданахъ и др.).

Къ стр. 101, 18. К. К. Буга сопоставляетъ суффиксъ лат. *gliēmēzis* съ суффиксомъ лит. *gl'ēmėžius* «слизь» (въ Дусятахъ).

Къ стр. 125, 14. Въ лит. *plikšas* š, по мнѣнію К. К. Буги, въ виду *drībšas* Ю., *gōbšas* Ю. и др. скорѣе восходить къ иде. *k̥*.

Къ стр. 125, 24. Въ прагерм. **haldá-s d* слѣдуетъ замѣнить буквой, обозначающею соотвѣтственный звонкій спирантъ.

Къ стр. 126. Также Траутману GGA. за 1911 г., стр. 256, лат. *sekul(i)s* напоминаетъ р. *хохолъ*.

Къ стр. 141¹. Въ скр. *-vasas* а должно получить знакъ долготы.

Къ стр. 144, 32. Вмѣсто *jus* чит. *jūs*.

Къ стр. 155². Доставъ лишь недавно *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ* (Сборн. статей въ честь Θ. Е. Корша), я теперь долженъ добавить къ своей статейкѣ KZ. XLIV 49 слл., что уже Поржезинскій (въ упомянутомъ сборникѣ, стр. 532 слл.) отмѣтилъ удареніе лит. «желательнаго» наклоненія и существительныхъ на *-umas* у Даукши.

Къ стр. 163, 13. Въ *mainųm̃š* ə должно получить знакъ долготы.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

1. Прусск. яз.

<i>gewineis</i> 95.	<i>dāugsinti</i> 37.	<i>kūmstē</i> 20.
<i>gewinna</i> 95.	<i>dāvē, dēvē</i> 86 сл.	<i>kūrti</i> 19.
<i>crausy</i> 66 ¹ .	<i>drēkštīnē</i> 35.	<i>kuzdēti</i> 112.
<i>culezi</i> 34 ¹ .	<i>duksinti</i> 37.	<i>kuziūti</i> 112.
<i>quai</i> 130.	<i>dūlkēs</i> 18.	<i>laikštus</i> 55.
<i>aulausē</i> 66 ¹ .	<i>gewenti</i> 95.	<i>laiškas</i> 54 ³ .
<i>menschon</i> 68.	<i>gīrsa</i> 30.	<i>laizdyti</i> 111.
<i>mien</i> 181 слл.	<i>gleiznōti</i> 112.	<i>lašišā</i> 60.
<i>penpalo</i> 90.	<i>glūmzdyt'</i> 112.	<i>maišas</i> 58.
<i>seweynis</i> 96.	<i>gruzdinti</i> 112.	<i>mēs</i> 144.
<i>sien, sin, -si</i> 181 слл.	<i>inkštiras</i> 34.	<i>mōtē</i> 149 ¹ .
<i>sompisinis</i> 61.	<i>instīras</i> 34.	<i>mūn</i> 180 слл.
<i>āuschauints</i> 65.	<i>iščias</i> 55.	<i>paskuī</i> 159.
<i>schlāit</i> 63.	<i>juozmuō</i> 76.	<i>plėiskanos</i> 55.
<i>schlūsitwei</i> 63.	<i>jūšē</i> 59.	<i>plėiskēs</i> 55.
<i>semme</i> 66 ¹ .	<i>kařši</i> 29.	<i>plikas</i> 125.
<i>tawisch-</i> 68.	<i>kāušas</i> 59.	<i>pokštē</i> 36.
<i>tien, tin</i> 181 слл.	<i>hermūšē</i> 59.	<i>purvāi</i> 203.
<i>uschts</i> 64.	<i>kevekštys</i> 88.	<i>pūsevaitē</i> 94 сл.
	<i>kiāušē</i> 59.	<i>pušnīs</i> 61.
	<i>kiaū šis</i> 59.	<i>rapšnōti</i> 36.
	<i>Kiřkšnis</i> 31 ² .	<i>riešutas</i> 58.
	<i>Kirsna</i> 31.	<i>sārgas</i> 44.
	<i>kr(i)āušē</i> 59 ² .	<i>selēti</i> 44.
	<i>kriķštyti</i> 60.	<i>sīena</i> 44.
	<i>kr(i)ušā</i> 58 сл.	<i>sirgti su</i> 5 ¹ и 203.
	<i>kūli vėřsti</i> 9.	<i>skalāuti</i> 43.
	<i>kulkš(n)is</i> 33.	<i>stirna</i> 44.
	<i>kūlšē, kūlšis</i> 34 ¹ .	<i>stūmti</i> 17 ² .

2. Лит. яз.

<i>aižuols</i> 170 ² .	<i>kr(i)āušē</i> 59 ² .	<i>selēti</i> 44.
<i>ankštiraī</i> 34.	<i>kriķštyti</i> 60.	<i>sīena</i> 44.
<i>apušē</i> 59.	<i>kr(i)ušā</i> 58 сл.	<i>sirgti su</i> 5 ¹ и 203.
<i>aržēti</i> 112.	<i>kūli vėřsti</i> 9.	<i>skalāuti</i> 43.
<i>aižuolas</i> 170 ² .	<i>kulkš(n)is</i> 33.	<i>stirna</i> 44.
<i>blakstienos</i> 38.	<i>kūlšē, kūlšis</i> 34 ¹ .	<i>stūmti</i> 17 ² .

stuomiõ 44.
 sù 45.
 súolas 44.
 šáltas 40 сл.
 šiaudai 39 сл.
 šlamštai 36.
 šúdas 39.
 šulnas 17².
 trišti 53 и 204.
 tursóti 32.
 tūšćias 55.
 vāškas 57.
 vè, véi 145.
 vētušas 58 сл. и 205.
 vēzdas 111.
 viksnóti 37.
 žiēgzdros 113.
 žvai(g)zdē 113.

3. Лат. яз.

arājs 129.
 astuotais 64².
 brīve, brīvs 95.
 burkšis 20.
 cauls 84¹.
 ceķul(i)s 126 и 205.
 ceturtais 64².
 deve 86 сл.
 Dignāja 205.
 īksis 38.
 kāmis 126.
 krabas 127.
 kūlenis 9.
 kūlētiēs 9.
 kūlīnš, kulis 9.
 kūnšk'is 20.
 kuīt 19.
 kuītēt 19.

kuorns 19.
 lauska 197.
 lausks 197.
 lēgzds 110 сл.
 ligzds 110¹.
 mēs 144.
 mun 180 сл.
 pāksts 36.
 pātega 93¹.
 pazuse 108.
 pledināt 85¹.
 plevināt 85.
 plidināt 85¹.
 plivināt 85.
 pušms 197.
 purvs 203.
 sirna 44.
 skaluot 43.
 skarbs 126.
 skumt 20.
 sm(a)udrs 8².
 smidrs, smīdrs 8².
 smidzināt 85¹.
 smuidrs 8².
 sn(a)idrs, snīdrs 8².
 stiřna 44.
 stuīmt 17².
 šķēvas 86.
 šlaubums 109¹.
 šmaigans 8².
 vēz(d)a 111.
 zvaigzne 113.

4. Праслав. яз.

grьbьtь 127.
 i 136¹.
 (j)ustro 75².
 xoldъ 125.

xorbrъ 126.
 xormъ 127.
 xrbьtъ 127.
 xvostъ 127.
 xrtъ 127.
 voskъ 57.

5. Црксл. яз.

древьнъ 98 и 205.
 дръзъ 78.
 иствъ 55.
 крѣха 58.
 мръзѣти 77.
 мѣнь 180 сл.
 назуха 108.
 нѣмъ 125.
 рѣшѣти 69¹.
 скакати 46¹.
 скоръ 46¹.
 слуды 109¹.
 срѣна 44.
 страхъ 70.
 стѣна 44.
 сѣръ 122 сл.
 хвала 72.
 хворъ 72.
 хромъ 71 сл.
 шесть 48 сл.

6. Сербск. яз.

krl 19.
 pāsto 197.

7. Русск. яз.

луска 197.
 нѣсмѣть 55¹.
 стеречь 44.
 хворостъ 126.

- хвѣяться 127. *tsaru-* 44. 15. Др.-ирл. яз.
 хомякъ 126. *šať* 47. *dluigim* 13.
 хохоль 126 и 205.
 хробость 127. 12. Авест. яз. 16. Готск. яз.
 8. Малор. яз. *xšvaš* 46 сл. *hardus* 19.
полукъ 197. 13. Греч. яз. *saurga* 5¹.
 9. Польск. яз. *κυλί(νδ)ειν* 9. *stilan* 44.
kulsze 34¹. *ξέστης* 47 сл. *stōls* 44.
szary 122 сл. *ξέστριξ* 47 сл.
 10. Чешск. яз. *ξύν, σύν* 46. 17. Др.-врхн. яз.
šerý 122 сл. *πρύμνη* 9 сл. *rudo* 127.
 11. Санскр. яз. *στελεά* 44. *zagēn* 43².
σῶμα 44. *zougen* 43².
 14. Латинск. яз. 18. Др.-англ. яз.
kšālayati 43. *stellio* 44. *hyrst* 126¹.
tsáratī 43². *stela* 44.

14991-4360

1201

